

18 ВЫПУСК

КЛАД

УДК 882
ББК 84 (2 Рос=Рус) 6-5 Бел
К 47

Клад: Литературно-художественный альманах. Выпуск 18. –
К 47 Старый Оскол: Изд-во «РОСА». – 2018. – 176 с.

ISBN9 78-5-6040627-8-4

Свидетельство о регистрации П-1469 от 18.07.95,
выдано Северо-Западным Управлением Комитета РФ по печати.

Литературно-художественный альманах
Российского общества современных авторов (РОСА).
e-mail: 885533@mail.ru, <http://art-rosa.ru>

В альманахе представлено литературное творчество современных авторов из Москвы, Старого Оскола, Бирюча, Санкт-Петербурга, Новомосковска, Шебекино, села Нижняя Покровка и села Комаревцево в разделах «Поэтический марафон», «Повести и рассказы», «Публицистика», «Стихи - детям», клуб «Птица тройка», клуб «Татьянин день», литературная студия «Творческий фонарь».

УДК 882
ББК 84 (2 Рос=Рус) 6-5 Бел

ISBN 978-5-6040627-8-4

© Авторы альманаха, тексты, 2018
© Издательство РОСА, составление,
оформление, 2018

Совершеннолетие

Восемнадцать лет выходит альманах «Клад». Достиг совершеннолетия. Вместе с ним выросло новое поколение и авторов, и читателей. И каждый год в предисловии я пытался проанализировать те тенденции в литературе, с которыми приходилось сталкиваться, рассказывал о деятельности за год Российского общества современных авторов и издательства РОСА. Никогда не задавалась тема для отбора работ в альманах. Было пожелание, чтобы предлагали лучшее, созданное за прошедший год. Но часто происходило так, что автор предлагал для публикации в альманахе произведение, созданное им несколько лет назад, но ставшее, с его точки зрения, сегодня особенно актуальным. И в итоге, альманах всегда вырабатывал какую-то свою сформированную повестку дня, в которой отображались те настроения, ощущения и представления которые кажутся автору наиболее важными.

Этот альманах уникален еще и тем, что современные авторы, работы которых в нем опубликованы, отражают в своем творчестве целую эпоху от того времени, когда книга была единственным средством творческой реализации для писателя до вытеснения книги на обочину информационного поля интернетом. И вопрос здесь не только в изменении формы носителя текста. Если книга все же предполагала какой-то отбор и авторов, и читателей, то интернет без особых затрат позволяет реализовать авторские амбиции любому желающему. При этом, круг потенциальных читателей стал независим от тиража, расширившись до всех пользователей интернета, умеющих читать. Хотя и это уже не важно, так как существуют сервисы, которые вам не только прочтут вслух печатный текст, но переведут его на любой язык. Таким образом, мы сразу попали как бы с мелководья на глубину. И если раньше мы не могли окунуться в мир литературы, то теперь мы не можем выбраться из ее обилия. Только вот порой кажется, что попали не в чистый водоем, а в какую-то бездонную лужу. Может быть, лучше

и не входить в эту словесную воду? Многие молодые люди так и поступают, предпочитая оставаться на берегу, где хватает и проблем и развлечений. В крайнем случае, можно посмотреть фильм или шоу, послушать видеоблогеров или самому что либо снять на смартфон.

Книги тоже сильно изменились. Точно как и наше общество человеческое. Появились очень дорогие книги, которые берут в подарок или для непонятно чего. Дочитываются книги, изданные еще в советский период нашей страны. Их берут почитать в библиотеках, покупают в книжных комиссионках и на книжных развалах, которые, не смотря ни на что, все еще существуют.

Еще есть множество книжных наименований, изданных тиражами от одного до ста экземпляров самими авторами либо для родных и близких, либо для того, чтобы застолбить место в писательской среде, присвоив ISBN с обязательной последующей рассылкой по центральным архивам и библиотекам.

Есть, конечно, и коммерческая литература, которую покупают, чтобы почитать в дороге или в выходной день.

А еще изданные на гранты и премии победители всевозможных многочисленных конкурсов. Казалось бы, что свобода творчества и свобода читательского выбора полные. Читай - не хочу.

И более того, если раньше в выборе чтения можно было руководствоваться мнением литературной критики или газетной публикацией читательских отзывов, то теперь не исключено, что автор или издатель могут просто пропиарить свою книгу, используя подобные формы рекламы. Критическую статью и отзывы могут написать либо за вознаграждение, либо из дружеских побуждений. А уж словесная эквилибристика настолько развита, что можно оправдать любую фразу, не говоря уж об их наборе величиной с роман. Таким образом происходит обесценивание слова и забалтывание всего того, что могло бы представлять реальный интерес для культурного развития.

Подобное положение вещей, в том числе, является причиной того, что нет общенациональной литературы, нет книг, которые вызывали бы всеобщий интерес, которые обсуждались бы, которые предлагали бы новых героев.

И то ли как причина или как следствие, среди современных русских авторов фактически отсутствует товарищество, основанное на идейной близости и литературных способностях, когда

прямо говорят не только о том, что хорошо, но и о том, что не совершенно.

Всегда и везде литературный талант проявлялся в способности автора увидеть в творчестве другого гениальные находки и восхищаться этим, помочь донести это до читателя. В отношении своего же творчества автор всегда находился в постоянном поиске, сомнении, потому как творчество талантливого автора - это не ремесло, а путь самопознания...

У нас же сейчас не редко бывает так, что автор заявляет себя единственно настоящим писателем, которого не признают массово лишь потому, что против него существует мировой заговор или читатели до его творчества еще не доросли...

С моей точки зрения, поддержка и развитие современной русской литературы возможно не за счет бездумных лайков всякому, кто называет себя русским писателем, а за счет формирования литературной среды в реальном мире, прежде всего, когда авторы общаются друг с другом не от фестиваля к фестивалю или от творческого вечера к презентации, а на постоянной основе. И в процессе этого живого общения вырабатывается какая-то более или менее единая точка зрения на те либо иные явления, события, произведения. Авторы пытаются услышать друг друга и помочь автору услышать самого себя. Оглянитесь на историю русской литературы. Русский автор всегда был частью общества. И литературные клубы, журналы, газеты не просто создавали комфортную для них среду, а давали возможность реализации своих идей, воплощенных в литературную форму.

Но обратимся к форме нашего альманаха. Точнее к оформлению его обложки. Фотоконкурс «Муза для «Клада» проводился на базе группы издательства РОСА ВКонтакте. Прием работ производился до конца сентября 2017 года. Весь октябрь можно было оценить фотографии, собранные в альбоме, и прокомментировать их. Было проставлено 2982 лайка и написано 106 комментариев.

В конкурсе приняли участие 114 фотографий, поступивших из 18 городов Москва, Санкт-Петербург, Курск, Старый Оскол, Иваново, Шебекино, Моршанск, Минск, Тула, Донецк, Балахна, Краснодар, Псков, Балашов, Мытищи, Вологда, Одинцово, Подольск и двух сел – Барабаш, Синицино.

Наибольшее количество лайков и отзывов собрала фотография Алены Соболевой, присланная Вероникой Дынник (фотомодель)

из г. Иваново. Эта фотография опубликована на первой полосе газеты «Правда жизни».

В пятерку лидеров так же вошли: Ната Одесситка из г. Балашов, Екатерина Чубарова из г. Балхан, Екатерина Банникова (фото-модель) с фото Анны Скворцовой из г. Одинцово, Марина Голосова из г. Старый Оскол.

Все фотографии, принявшие участие в конкурсе, опубликованы на сайте издательства РОСА. В ноябре фото оценивали на заседании актива и Координационного Совета Российского общества современных авторов, чей выбор совершенно не совпал с мнением интернет-аудитории.

1. Кира Липочкина, деревня Синицино Псковской области. 2. Ольга Гузь, г. Курск. 3. фото Анны Кузнецовой, модель - Марианна Довбыш, г. Краснодар. 4. фото Кристины Самсоновой, г. Тула. 5. Мария, г. Курск.

Свой вариант подготовила и редакция издательства: 1. Софья Татаринова, г. Моршанск, 2. фото Анны Кузнецовой, модель - Марианна Довбыш, г. Краснодар, 3. Кира Липочкина, деревня Синицино Псковской области, 4. Ольга Жданкина, Санкт-Петербург, 5. фото Марины Егоровой, г. Краснодар.

И в итоге редакция альманаха «Клад» сделала свой выбор с учетом всех имеющихся точек зрения. На обложку 18 выпуска литературно-художественного альманаха «Клад» отображена фотография № 81 в списке участников конкурса Наты Одесситки из города Балашов.

И опять мистика цифр:

18 выпуск - 81 номер фото - 2018 год....

В связи с возвращением альманаха в проект «Русская ярмарка талантов РОСА», которая традиционно подводит итоги 19 мая, выпуск его был перенесен на май этого года.

А в дальнейшем предполагается, как и было ранее, формирования альманаха по итогам конкурса рукописей, старт которому будет дан в тот же день... В конкурсе могут принять участие произведения художественной литературы, созданные авторами за прошедший год.

**ПОЭТИЧЕСКИЙ
МАРАФОН**
РОСА

Александр Пушкин

(26 мая [6 июня] 1799, Москва — 29 января
[10 февраля] 1837, Санкт-Петербург)

Русский поэт, драматург и прозаик, критик и теоретик литературы, историк, публицист.

Деревня

Приветствую тебя, пустынный уголок,
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья,
Где льется дней моих невидимый поток
На лоне счастья и забвенья.
Я твой: я променял порочный двор цирцей,
Роскошные пиры, забавы, заблужденья
На мирный шум дубров, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья.
Я твой: люблю сей темный сад
С его прохладой и цветами,
Сей луг, уставленный душистыми скирдами,
Где светлые ручьи в кустарниках шумят.
Везде передо мной подвижные картины:
Здесь вижу двух озер лазурные равнины,
Где парус рыбака белеет иногда,
За ними ряд холмов и нивы полосаты,
Вдали рассыпанные хаты,
На влажных берегах бродящие стада,
Овины дымные и мельницы крилатые;
Везде следы довольства и труда...
Я здесь, от суетных оков освобожденный,
Учуся в истине блаженство находить,
Свободною душой закон боготворить,
Роптанью не внимать толпы непросвещенной,

Участьем отвечать застенчивой мольбе
И не завидывать судьбе
Злодея иль глуща — в величии неправом.
Оракулы веков, здесь вопрошаю вас!
В уединенье величавом
Слышнее ваш отрадный глас.
Он гонит лени сон угрюмый,
К трудам рождает жар во мне,
И ваши творческие думы
В душевной зреют глубине.
Но мысль ужасная здесь душу омрачает:
Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально замечает
Везде невежества убийственный позор.
Не видя слез, не внемля стоны,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здесь барство дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.
Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачится по браздам
Неумолимого владельца.
Здесь тягостный ярем до гроба все влекут,
Надежд и склонностей в душе питать не смея,
Здесь девы юные цветут
Для прихоти бесчувственной злодея.
Опора милая стареющих отцов,
Младые сыновья, товарищи трудов,
Из хижины родной идут собой умножить
Дворовые толпы измученных рабов.
О, если б голос мой умел сердца тревожить!
Почто в груди моей горит бесплодный жар
И не дан мне судьбой витийства грозный дар?
Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная заря?

Иван Аксаков

(26 сентября [8 октября] 1823, Оренбургская губерния — 27 января [8 февраля] 1886, Москва)

Русский публицист, поэт, общественный деятель,

***

Смотри! Толпа людей, нахмурившись, стоит:
Какой печальный взор! Какой здоровый вид!
Каким страданием томяся неизвестным,
С душой мечтательной и телом полновесным,
Они речь умную, но праздную ведут;
О жизни мудрствуют, но жизнью не живут
И тратят свой досуг лениво и бесплодно,
Всему сочувствовать умея благородно!
Ужели племя их добра не принесет?
Досада тайная меня подчас берет,
И хочется мне им, взамен досужей скуки,
Дать заступ и соху, топор железный в руки
И, толки прекратя об участи людской,
Работников из них составить полк лихой.

Константин Бальмонт

15 июня 1867 г., Шуя, Россия - 24 декабря 1942 г.
(75 лет), Нуази-ле-Гран, Франция

Русский поэт-символист, переводчик и эссеист.
Автор автобиографической прозы, мемуаров,
филологических трактатов, историко-литератур-
ных исследований и критических эссе.

Родная картина

Стаи птиц.
Дороги лент.
Повалившийся плетень.
С отуманенного неба
Грустно смотрит тусклый день,
Ряд берез, и вид унылый
Придорожного столба.
Как под гнетом тяжкой скорби,
Покачнулась изба.
Полусвет и полусумрак,-
И невольно рвешься вдаль,
И невольно давит душу
Бесконечная печаль.

1894

Наталья Стрельникова

г. Старый Оскол.

Педагог дополнительного образования МБУ ДО «ЦДО «Перспектива», руководитель клуба бардовской песни «БАРРЭ», лауреат множества фестивалей поэзии и авторской песни. Автор ряда методических пособий, публицистических и поэтических сборников, аудио- и видеоальбомов

***

Запах яблок и петунии
В дни осенних полнолуний –
На период звездопада
И тебе и мне награда.
За труды и за успехи,
И за плотские утехи,
За печали и за грусть,
И за то, что я вернусь
В ту обитель, где отрада –
Детства старая ограда,
И деревья до небес,
Полный сказок чудный лес.
Хвойная его подстилка,
Где отцовская могилка
Под густую мягкую кроной
И крестовую короной
Душу томит и мечты.
Запах яблок и цветы...
Веткой яблоневого хрустнув,
Из-за тяжести плодов,
Путь земной не будет грустным,
Если ты к нему готов.

***

Всё тот же дом стоит, как прежде,
И та скамейка у двора,
И сладкий запах, очень нежный,
Цветов петунии до утра.
Подъезд. Площадка...
Лишь другая – дюралюминиевая дверь
В квартиру. Да и я другая –
Сталь закалённая теперь.

***

Легкою сеточкой птичьих следов
Март опечатает снег,
Чтобы направить вектор годов
В новый, не Ноев ковчег.
Нет в той обители хода назад,
Выхода или пути.
Это нарочно кто-то сказал:
«Хочешь - назад иди!».
Я знаю точно, это не так.
Зря он вам говорил.
Целых полвека - вам не пустяк!
Двери ковчег отворил.
Там тебя встретят юность и гном,
Детство, кораблик весны.
Солнечный зайчик, ольха под окном
И разноцветные сны.
Звезды и слезы, шум тополей,
Горечь ушедших потерь.
Это - твой мир, твоя жизнь, твой елей,
Бог у порога и дверь.

Вера Котенёва

г. Старый Оскол.

Родилась в с. Роговатое. Работала заведующей научно-технической библиотекой. Автор многих поэтических сборников и исторической документальной прозы.

***

Не бойся, мы с тобой на «вы»,
И здесь ни тени нет лукавства,
Не замышляю я коварства,
В дальнейшем перейти на «ты».

Осенний луч души коснулся,
Он греет нежно, осторожно....
Рукопожатие надёжно,
И интерес в глазах проснулся.

Тебя я видеть очень рада,
Ты этой радости не бойся,
Общенье, как росой, умойся –
Оно для нас двоих отрада.

При встрече «вы» Вам говорю.
За гранью вежливости этой
Хорошей видится приметой,
Что не споткнусь и не сгорю.

В поре осенней мы с тобою.
Мне в этой осени уютно,
И это чувство не минутно ...
Ни от кого его не скрою.

Без вожделения и страсти,
Оно почти неуловимо
И бескорыстно и ранимо,
А впрочем, всё, всё в божьей власти.

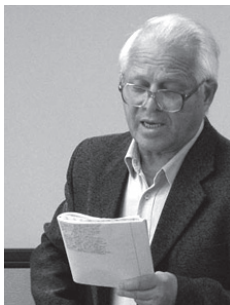
Ольга Шушкова

г. Москва

Родилась в Тульской области. Закончила МГПУ им. В.И.Ленина. Занималась в литературной студии «Трехгорка», созданной Вадимом Валериановичем Кожинным. Лауреат литературных конкурсов. Автор книг «Подснежник», «От любви до судьбы», «И выдумщицей я была...», поэтического диска «В сердце моем».

***

Проснусь одна на рассвете
И думаю о тебе...
Какой-то весенний ветер
Гуляет в моей судьбе,
Какая-то дымка-нежность
Проснувшихся вдруг берез,
Какая-то неизбежность
К глазам подступивших слез.
Вся сила моя и мудрость
Рассыпались, как зола.
Шальная девчонка юность
Трезвонит в колокола!
И месяц, трубач полночный, -
Опять на своей трубе.
Проснусь одинокой ночью
И думаю о тебе...

Анатолий Овсянников (Светояр) *г. Старый Оскол.*

Род. 27 ноября 1944 г. Окончил Старооскольский геологоразведочный техникум, Якутский гос. университет. Трудился в геологоразведочных партиях, избирался председателем комитета профсоюза, председателем исполкома поселкового Совета народных депутатов.

Дикие розы

Простите, отец и мама родная,
Простите за разум – глупостью цвёл.
Понять бы то время, когда, голодая,
Отец меня полем за руку вёл.
Живот мой взывал о пощаде едой,
Шумы в голове и падали слёзы,
И колос ржаной оказался бедой:
Объездчик верхом, в руке его розы.
Мгновенно стали мы камнями в поле,
Белее лица только холм меловой.
Нас страх обуял, доколе, доколе...
Конь под объездчиком тряс головой.
Отец на коленях, молчит и не спорит,
На розы изредка смотрит в руке
И взгляд его просит, молит и молит-
Дать нам возможность уйти налегке.
Отца на коленях вижу и розы –
Посланца беды ударил в сапог,
Глаза объездчика – злобные осы-
Дикими розами сбил меня с ног.
Вскоре отец сгинул в адском Гулаге,
Нас раскулачил сосед-лиходей.
Память рукою следит на бумаге,
Мир не спасёт рост безбожных идей.

Горное озеро

Солнечные зайчики в озере купаются,
Шелестят прибоем волны серебристые,
Облака пуховые в водах отражаются,
Сенью по-за берегом ивушки ветвистые.
И русалки песенка музыкой пленяющей
Над зеркальной гладью пеленою дивною,
Думою волшебною душу осеняющей,
Белую лебёдушкой – криками призывными.
Горы-великаны с снежными вершинами
Охраняют озеро горнею стеной
И с озёрной тайною, тёмными глубинами
Приглашают в сказку, подарив покой.

С мечтою

Бледнеет ночью горизонт, светает.
С мечтою вновь рождается денёк.
Печальных мыслей стая улетает,
И в чаяньях не гаснет огонёк.
Теплом ласкает солнышко землю,
В чащобе тьма укрылась от лучей,
Лебёдушкой купается девица,
И с песней звонкой плещется ручей.
Добро и благодать над землёй витают,
Мир благодатный снизошёл с Небес.
Наследье предков Русы обретают,
В их жизни Разум набирает вес.

Марина Голосова

г. Старый Оскол

Родилась 13.05.1986 г. в г. Старый Оскол. Окончила Белгородский государственный университет. Стихи писала с детства. Печаталась в различных периодических изданиях. Выпустила сборник стихотворений «Сиреневый закат». Член РОСА.

***

Снег упрямо летел и опутывал ступни,
Словно жало впивался под кожу лица.
Только шаг не сбавляя, как будто преступник,
Ты пытался бежать от родного крыльца.
Холод внутрь проникал, отключая сознание,
И царапал по лёгким больней и больней.
Но назад не свернул, и не сбилось дыханье.
Видно, в сердце твоём был мороз посильней.
Только зря бесновались те ветры лихие,
Застилая ковром все дороги - пути.
Снег летел и летел, но не властна стихия
Над любимым, который решился уйти.

***

Я привыкла легко расставаться с людьми,
Чтоб напрасной тоской своё сердце не мучить.
И прощаясь, давать им остатки любви,
Знаю, в жизни у них я случайный попутчик.
По осколкам любви я привыкла идти
Лишь вперёд, напролом, ран былых не бояться.
Потому что я знаю, что боль позади,
И мне с кем-то иным предстоит повстречаться.
И на всё я привыкла с улыбкой смотреть,
И пусть жизнь иногда пламя в сердце гасила –
Возрождаясь, оно продолжает гореть.
И я верю, что в этом и есть моя сила.

Валентина Казанова

г. Старый Оскол

Студентка Воронежского
экономико-правового института

***

Я птицей вернусь к тебе во сне,
И расскажу, как на душе тоска.
Затмила разум и сердце мне,
Ну, а пока, идти вперёд пока.

Дорога за дорогой предо мной,
Мелькают чаще фонари, а я одна.
Столкнулись снова с прежнею бедой,
У каждого внутри своя вина.

И птица превратилась в дождь,
С ресниц скатилась каплей мелкой.
Во сне опять приснилась ложь,
Часы большой стучали стрелкой.

Я уходила в тишину,
Замкнувшись навсегда в себе.
Увидишь птицу ты одну –
И вспомни обо мне...

Михаил Анисимов

*село Комаревцево
Белгородской области*

В Гремячем лесу тишина

*Памяти воинов 40 Армии Брянского фронта и 21
Армии Юго-Западного фронта, павших
в боях под Старым Осколом в июле 1942 года.*

В лесу, что назвали Гремячим,
Сегодня кругом тишина.
В далёком июле горячем
Везде полыхала война.

Средь леса воронки, окопы,
Залитые вешней водой.
Здесь наши пехотные роты
Столкнулись с великой бедой.

В тяжёлые дни окруженья
Попали бойцы под обстрел.
И пали в жестоком сраженье,
И лес от разрывов горел.

За бой не вручили награды.
Теряла Отчизна сынов.
В трагедии не до парадов,
И не дают орденов...

... Никто и ничто не забыто.
Мы помним погибших солдат.
За воинов, в роще убитых,
Огнём отомстил Сталинград.

Виталий Валитар

с. Нижняя Покровка Белгородской области

После окончания естественно-географического факультета Воронежского Государственного Института, работал директором в одной из школ Липецкой области, преподавал в школах Белгородской области, работал директором и методистом в сельских Домах Культуры.

Щит

Иоанну Крестителю

Он подготовил путь Христа,
Спасителя всего живого,
Предтечею навеки стал,
Аскетом вольным и суровым.

Крестил, как праведник святой,
Заблудших, гибнущих и падших.
Грех очищал речной водой
И исцелял изнемогавших.

Исполнил миссию свою,
Тяжёлый крест неся достойно.
Ему на клиросе поют
Не только здесь, в Первопрестольной.

По всем земным материкам
Его и чтут, и прославляют,
И не один воздвигнут храм:
Служить Предтеча продолжает.

Он подготовил путь Христа,
Сошедшего на землю Бога.
И нет спасительней щита –
Нуждающихся очень много.

2 августа 2017 г. 08 ч.

Высокая звезда

*Светлой памяти моей мамы
Чертовской Марии Дмитриевны*

Когда уходят близкие твои,
Ты сиротеешь сердцем и душою.
Без них, как без надежды и любви,
Становится жизнь чёрной полосою.

С уходом мамы свет вокруг померк,
Год приходил в себя я от утраты.
Ушёл любимый самый человек
Туда, откуда нет уже возврата.

Мы не забудем маму никогда!
Она за нас сестрой и там в ответе.
Горит её высокая звезда
И всем родным и близким ярко светит.

Он завещал любить Святую Русь

Памяти Михаила Задорнова

Ушёл Задорнов! Верится с трудом:
Страна такого мужа потеряла!
Мы будем долго говорить о нём,
Но высказанных слов нам будет мало.

Скорбит Россия! В сердце боль и грусть...
Пришла за ним с косой старуха злая.
Его мы шуточки знали наизусть,
Но самого Задорнова не знали.

А он смешил и нас же – просвещал!
И это говорит уже о многом.
Он, как никто, умел друзей прощать
И их же брать с собой потом в дорогу.

Исколесил, объездил всю страну,
Его всегда везде с надеждой ждали.
И он ни разу нас не обманул,
И все его за это уважали.

Теперь всё в прошлом, к сожаленью, так!
Вчерашний день к нам больше не вернётся.
Поговорить Задорнов был мастак,
Теперь нам без него смотреть на солнце.

И радоваться жизни без него...
Он Русь любил и завещал нам это!
С ним ярче было красок торжество,
И больше было и любви, и света.

Освещение креста

Посвящается 80-летию хутора Ездоцкий

Ездоцкий хутор... В полдень на холме
Народ честной внимал митрополиту,
А в это время колокол звенел,
И души Богу были все открыты.
Справляет хутор славный юбилей,
И торжество в округе – аж до неба.
Мы – православные! Мы на своей земле.
Нам крепость – дом, и дух наш – тоже крепость.
Сегодня освящён был Крест Христов!
И символ мира – голуби взлетели.
И всем понятно стало всё без слов:
Всех осенил Господь на самом деле.
А дел у нас всегда невпроворот,
Их сообща решаем мы успешно.
Мы – вольный, независимый народ,
И с нами наши вера и надежда.
Благословенна русская земля!
Её просторы взору не подвластны,
И, Господу всем миром помолясь,
С любовью в сердце мы пришли на праздник.

Виталий Воронуха

Италия

Родился в Охотске Хабаровского края. Женат. Воспитал троих дочерей и сына. Работал механиком холодильных установок. Служил в армии, в Германии. Увлекался рыбалкой, охотой. Пишет стихи и музыку. Занял третье место в номинации «Поэзия» на Международном Пражском литературном фестивале. Играет на баяне и гармонии.

Ветераны

(песня)

Я судить никого не берусь,
Дорогие мои ветераны,
Но я знаю – вам больно за Русь,
Нет больнее души вашей раны.

ПРИПЕВ: Ты прости, ветеран,
Ты прости, фронтовик,
Что при встрече с тобой
Я глаза опускаю.
Видно, жизни обман
В души наши проник,
И к стыду своему
Как помочь вам не знаю.

Но поверь, ты не зря воевал,
В лихолетье страну защищая,
От Москвы до Берлина шагал
Ты, друзей по дороге теряя.

ПРИПЕВ

Я меха разверну, и пусть каждый живой
Вспомнит павших солдат в День Победы.
Ты привстань, ветеран, и тихонько запой,
Вспомни тех, с кем делил свои беды.

ПРИПЕВ

Исповедь охотчанам

Дорогие мои земляки!
Исповедуюсь я перед вами... –
Нет родной здесь Кухтуя-реки
и не бьёт в берег море волнами,
и не кормит грибами Кавказ,
ни брусникою, ни голубикой,
нет рябинушки горной у нас,
нет тайги непролазной и дикой!...
Иногда так в душе всколыхнёт,
так сердечко забьётся порой,
так родная земля позовёт,
что бегом побежал бы домой!
Я недавно лежал и мечтал,
ощутив прошлых лет наваждение, –
Кто б по радио мне передал
штормовое предупреждение?!
Ядохнул бы Шелкапа порыв
и пошёл бы вперёд против ветра,
слыша мощной стихии надрыв,
хоть чуть-чуть, ну, хоть с полкилометра!
Я на море бы вышел тотчас
и вкусил бы там запах прибоя!
Как сроднило, товарищи, нас
это наше Охотское море!!!
Мы – товарищи! Правда, друзья?
Нам не стать никогда господами!
Нас сплотила Родная земля,
и Любовь к ней живёт вместе с нами!
Охотчане! Мы все – Земляки!
Наше прошлое – есть чем гордиться!..
Не заменят Кухтуя-реки
мне все прелести Заграницы.
И пусть будет здесь жизнь хороша, –
Об Охотске живём мы мечтами,
и Охотская наша Душа
там, в России сейчас, с Земляками!!!

Охотские чайки

(Песня)

Мой Охотск встал у берега моря
на востоке огромной страны,
как гранит, со стихиею споря,
грудью пробует силу волны.
Он запал в мою память и душу.
Для меня он – родимый причал...
Рвётся голос из сердца наружу –
Я запел и почти закричал:

ПРИПЕВ:

Море. А у моря припайки.
Вы зимой ледяные всегда.
Но весной возвращаются чайки,
А мои не вернутся года...
Чайки! Охотские чайки!
Вспоминайте меня иногда!!!

Моя Родина – это Россия,
Русский Север – Хабаровский край.
От Охотска сегодня вдали я,
но тебя я люблю, так и знай.
И пока сердце помнит и бьётся,
и душа той любовью полна,
каждый день в голове отзовётся,
что охотская пела волна...

ПРИПЕВ

До конца моя песня не спета,
Не дописан последний куплет...
Не услышат меня если где-то,
то зачем нам тогда интернет.
От любви я к Охотску чуть пьяный
сочинял эту песню свою,
и под звуки шального баяна
я, конечно, её допою...

ПРИПЕВ

Море... А у моря пришейки.
Вы зимой ледяные всегда.
Но весной возвращаются чайки,
А мои не вернутся года.
Чайки ! Охотские чайки!
Вспоминайте меня иногда!!!

Ангел мой

(песня)

Плыл я по жизни, берегов не замечая...
Блестели звёзды, как обычно и Луна...
Не ощущал ни серединки и ни края –
в сознании покой и тишина...
Вдруг что-то всколыхнулось в сердце нежно,
Услышал я небесный шорох крыл...
Гляжу я в небо с трепетной Надеждой –
Мне Ангел широко глаза открыл!

ПРИПЕВ:

Я чувствую Твоё прикосновенье,
в молитвах утренних общаюсь я с Тобой!
Душа моя полна благодаренья,
невидимый Небесный Ангел мой!

И, веря в Космос, веря в Высший Разум,
теперь добрей и чище становлюсь,
и, рассуждая мысленно о разном,
я ничего, и даже смерти не боюсь.
Лечу я ввысь, и звёзды освещают
в пространстве тёмном мой небесный Путь.
С Тобою рядом все сомненья тают
и душу мне уже не обмануть.

ПРИПЕВ

Потоком жизненным меня благословляешь,
Любовью с Миром поделиться мне велишь,
Несёшь Ты Свет, и сердце вдохновляешь,
Вперёд со мною вместе Ты летишь.
К Тебе тянусь я с радостным волнением,
объять весь Мир готовый всей Душой!
Я окрылён божественным стремленьем
в сиянье звёзд быть рядышком с тобой!

ПРИПЕВ

С Тобой теперь и Солнце светит ярче,
дороже жизнь, желаннее рассвет.
Я стал с Тобой мудрее и богаче,
мне никаких преград на Свете нет.
И каждый день, с родившимся Восходом,
Ты подставляешь мне своё Крыло...
Мне хорошо с Тобой под небосводом!
Ты даришь радость, силу и тепло!!!

ПРИПЕВ

Ирина Маркова

г. Москва

Член Союза писателей России, автор двенадцати поэтических сборников, литературных журналов и альманахов, лауреат конкурсов, награждена медалями А.С. Грибоедова, М.Ю. Лермонтова, Андрея Белого, серебряным крестом за книгу «Благовещенье», орденом «За вклад в просвещение», Заслуженный поэт Московии и Подмосковья.

НЬЮТОНЫ И ПНИ

*... Что же до яблок, то они
Частенько падают на пни.
На всех Исаков не хватает,
К тому ж, число их быстро тает.
Михаил Лапшин*

Однажды осознал поэт:
Расклад совсем не одинаков.
Под яблонями, спору нет,
Пни превосходят Исааков.
Он принял мудрое решенье,
Занятья не найдя умней –
Решил понять соотношение
Из яблок, Ньютонов и пней.
Он сел под яблоню, однако,
Всё ж червь сомненья душу гложет –
Что будет, если к Исаакам
Поэт примкнуть, увы, не сможет?
Наука просто не даётся –
Расчет окажется верней,
Когда поэту вдруг придётся
Увы, число пополнить пней.

Перепонки

Толстый чайник щёлкнет закипая...

.....

*В сквере осень стонет мокрый блюз,
Серым уткам, призрачным и тонким,
А у них на пальцах перепонки
Может, потому я и не сплю?*

Константин Свириденко

Ночью средь бессонницы и бдений
Осознал поэт – умчалось лето.
Утки с пальцами – предмет для наблюдений
Осенью для бедного поэта.
Притаились у ручья в сторонке
Серые крылатые предметы –
Да ещё на пальцах перепонки.
Это слишком даже для поэта!
Сон его недолог, чуток, тонок –
Утки злые явно спать мешают.
Вот вороны – те без перепонок:
Хоть орут, да сон не нарушают.
Вновь поэт открыл глаза спросонок –
Далеко до утренней зари,
И опять никак без перепонок –
Снятся мыши да нетопыри.
Напугали бедного с пелёнок –
Вышел в кухню, не включая света –
Там без пресловутых перепонок
Толстый чайник – копия поэта.
Чайник рад был встретить тёзку-гостя,
Засвистев от счастья свистом странным,
Утки же закрякали от злости –
Бьют по перепонкам барабанным.

Козлы и козлята

*Говорят, мол «... полюбишь козла».
Ты не верь в этот бред, ради Бога!
Ведь любовь абсолютно не зла,
Просто стало «козлов» слишком много.*
Борис Прахов

Борис отметил времени примету –
Кругом «козлы» – и спасу нет, и слов.
Так тяжело известному поэту
Творить и сочинять среди «козлов».
И как кружиться в творческом полёте,
Когда поэта мается нутро?
Кругом «козлы» – в кино и на работе,
На лестничной площадке и в метро.
Гуляют в парке, бродят по аллее
И носятся с утра и до заката,
Стуча копытцем и забавно бляя,
В соседней школе мелкие «козлята».
Борису стих писать не удаётся,
Как жить среди «козлов»? не знает толком.
Ну, ничего ему не остаётся,
Как притвориться страшным серым волком!
«Козлята» усмехнулись: «Ну, так что же?
Не будем мы рыдать слезами горькими!
На волка – ну совсем Вы не похожи,
Зато бычков в селеньях кличут «Борьками».

Сергей Леонтьев

г. Старый Оскол

Окончил Литературный институт им. М. Горького. Поэт, член союза писателей России, журналист.

Погост

Затоптали бабкину могилу.
Отыскать, наверно, не смогу
Нож, топор, кастет, булыжник, вилы,
Прочь от рук –
Себя поберегу.

Чтобы сотню лет по свету топтать
И в глаза всем вам глядеть, глядеть,
Ждать конца, пожара и потопа
Ждать, когда над морем грянет медь.

Бугорки, холмы, ложбинки, ямки
Кладбище, лишённое крестов.
И гогочут за забором хамки,
Лапаные лапами хлюстов.

Армия ушедших, вы разбиты!
И молитвы глушит топот ног.
Вам теперь поможет только Бог,
Да вот эти чахлые ракиты.

Затоптали... Только в свитке неба
Всё листает кто-то облака
Ну, а может, небо – тоже небьель?
Просто – звёздный мусор – свысока...

**Стихотворение,
написанное маятником часов**

Шел - дождь.
День. Звон.
Шел - снег.
Хмарь. Сон.

Быль. Век.
Даль. Высь.
Крик. Смех.
Бег. Жизнь.

Взлет. Взмах.
Взрыв. Звон.
Гром. Крах.
Тишь. Стон.

День. Час.
Тишь. Дом.
Нет - нас.
Бим - Бом.

Стен. Глушь.
Вязь. Снов.
Сон душ
Звон слов.

Тишь. Пыль.
Стук. Час.
Боль. Быль.
Нет. Нас.

Век. День.
Стук. Вдох.
Свет. Тень.
Взгляд. Бог.

Кухня

Ночная кухня – философский кабинет,
Идей аквариум, подсвеченный огнями,
Что в окна мокрые летят из прошлых лет,
Из дней, мерцающих за старыми домами.

Душа со временем сошлись на разговор,
Сошлись, запутавшись в полухмельной беседе,
И в этой кухоньке подпишут договор,
Чтобы молчало всё – от войн и до соседей.

Пока вы бегали за временем, пыхтя,
И брали приступом его, как скорый поезд,
Оно в окно мое входило, проведя
Через него свой никому не видный пояс.

И кухня мчалась сквозь огни, и, как в купе,
Стаканы звякали и ложки тархтели,
Пока в снегу по грудь, на нежилой тропе
Зверьё искало нас под вой людской метели.

Я так жалел вас – вы отбились от тепла
Хотя б кухонной, тихой газовой горелки.
Вы – королева стаи? Ладно. Холод зла
Для вашей кожи и прыжков – почти безделка.

Но мех устанет и намокнет, и краса
Размокнет, выцветет, как старые журналы.
Вас эта кухня позовёт на полчаса,
Мой поезд – дом уже ушёл со всех вокзалов.

И я отправлен, и стоп-крана не сорвать.
Накинуть плащ, за двери выйти – сил не хватит.
Там, за порогом – тьма, космическая падь,
Другое время, племена, болота, гати.

Наталья Дарованная

г. Шебекино

Белгородской области

Автор поэтической книги
«В потоке яблочного ветра»

***

Если ты вдруг однажды уйдешь, то не смей возвращаться.
Невозможно открыть все замки на двери, что закрою.
Слишком мутный осадок в стакане оставит мне счастье,
И сотрутся из памяти чувства, уйдя за тобою.

Просто знай: я воздвигну высокие прочные стены,
Мне за ними спокойно, тебе ж не помогут тараны.
Через них не проникнут предательство, боль и измены,
Стрелы горькой тоски, что наносят смертельные раны

Понимаешь, я несколько раз не умею прощаться
И делить свое сердце на горькие ноты разлуки.
Если ты вдруг однажды уйдешь, то не смей возвращаться.
Я скорее сломаю, чем вновь протяну тебе руки.

Сергей Овчинников

г. Новомосковск, Тульская область

Опера

Не разбудите опера, когда тот задремал,
он сделал это грамотно и смело,
поскольку в сейф бумаги не убрал,
со стороны посмотришь – занят делом.
Шум в коридорах не помеха снам,
там кто-то рапортует громогласно,
а то, что нужно в жизни операм,
творится незаметно и негласно.
И потому о них молчит молва,
и говорит всегда не то начальство,
и если есть в шансоне добрые слова,
опять же не про них, а, может, и напрасно.
Проснется опер, выпьет горький чай,
«добьет бычок», разгонит воздух дымный,
он за столом уснул сегодня невзначай,
добившись явки, якобы с повинной.

Пусть говорят про принцип оперов,
мол, повсеместно кормят волка ноги,
на самом деле принцип наш таков:
«У нас с волками разные дороги!»

Родина

Мы так легко позволили врагам
судить и править, и топтать святыни...
Мы так легко простили этот срам,
что вряд ли мы прощенье заслужили!

О, лицемерье капища лжецов,
предела нет для низости из целей!
Наш горький мир – трагедия рабов,
не верящих ни в смерть, и ни в спасенье.

Стыд потеряли, честь не сберегли,
слезами, кровью затопили землю,
чтоб даже на коленях не смогли
дать волю праведному гневу!

Печальная судьба Руси!
В груди от горя сердце стынет,
и крик у каждого в груди,
и каждый одинок в пустыне.

Маме

Мне с детства помнится отлично,
Как говорила тихо Мама:
Мой мальчик, ты мой лучший самый,
И цвет волос твоих пшеничный.

За годы белым стал мой волос,
И изменились наши лица,
Но слышу я все тот же голос:
Мой мальчик, ты мой цвет пшеницы!

Ласкает ветер над Землею
Блестящий ярко купол храма,
Пшеничный дол, где ты со мною,
И самый лучший голос, Мама!

Незнакомке

Приди ко мне хоть на мгновение!
Пройдись со мной в тиши аллеи.
Мы молча встретиться сумеем,
Борясь с чарующим волнением.
Будь рядом хоть на час случайно,
И прикоснуться дай к ладоням,
За столиком за чашкой чая,
В кафе шумящем павильоне.
Однажды окажись в дороге,
В купе, пусть даже и соседнем,
Чтоб нам не спать, томясь тревогой
и чувством радостно весенним!
Сойди на станции со мною
Случайно к общему трамваю,
Не удрученная виною,
Себя ни в чём не осуждая...
И пусть назло всему, отрадно
Останемся в единой власти,
Тех нитей, что ведут нас к счастью,
Бесценным даром Ариадны...

Очки

Ушла зима, забрав снега - метели,
Весенне застучали каблучки,
Ты утром улыбнулась мне в «Газели»,
И запотели вмиг мои очки.
Я место уступил свое с волнением,
Увидев в благодарности твоей
Чуть приоткрытые кокетливо колени,
Как торжество над суетою дней.
Ворвались в грезы Пастернак и свечи,
Ночник и воск, паденье башмачков...
Улыбка женщины нас вдохновит, излечит,
И пусть не будет никаких очков!

Ираида Брюквина

г. Старый Оскол

***

Исчезнуть, испариться,
С дождливой тучей слиться,
Дождями прослезиться -
Мне это по плечу!
Глядеть и удивляться
И Миру улыбаться,
И с бедами справляться
Хотите? Научу!

Ностальгия

Детство моё, ты куда улетело?
Юность, ты быстро стрелой просвистела!
Старость моя, ты зачем появилась?
Боль моя, ты почему прицепилась?
... Остановить бы, хотя б на мгновенье,
Времени ход и мгновений течение!

Людмила Дринова-Воронина

г. Старый Оскол

Театральный режиссёр и музыкант. Работала музыкальным руководителем в детских садах, директором Старооскольского районного дома культуры. Пишет песни, романсы, картины, стихи, занимается переводами стихов с других языков. Её стихи также переведены поэтами на болгарский, белорусский, украинский.

Уход зимы

Зима отлutowала. Первоцветы
 Покрыли все пригорки и бугры.
 Поют ручьи, теплом Весны согреты,
 Придя в восторг от солнышка игры.

Отсвет зари позолотил верхушки
 Прибрежных старых, толстых тополей
 И заскользил по маленькой речушке,
 Которая бежала вдоль полей.

А по дороге - вздыбленной и грязной,
 Весне-красне морозами грозя,
 Прошла Зима старухой безобразной,
 След за собой воз снега увозя.

В мешке заплечном голосили Вьюги,
 Метели выли, словно злобный пес,
 Остановился солнца луч в испуге,
 Пока весь шум вдаль ветер не унес.

Прошла Зима! Прошла, и слава богу! -
 Давно ее закончилась пора.
 Иди, Зима, и скатертью дорогу
 Тебе пусть стелют вешние ветра!

Мы не заметим твоего побега
 И по тебе не станем век страдать,
 Вези скорей с собой телегу снега,
 Того, что не успела раскидать!

Нелли Амунова

г. Старый Оскол

Родилась в с. Красные Четаи Чувашской АССР. Закончила Пермский сельхозинститут и пединститут г. Кустанай Казахской ССР. Работала инженером-нормировщиком, учителем химии и биологии.

***

Пробираясь сквозь серые мысли
Из давящих на душу оков,
Я ищу сокровенного смысла
ощущений, понятий и слов.

Провиденье укажет дорогу-
Лишь бы тайные знаки понять,
Раздавая себя понемногу,
Собирая по крохам опять.

Через разных идей круговерти,
От измен, от предательства, лжи,
Дай же мудрости, сил для бессмертья
Моей робкой. но светлой души!

Сокровенное слово скажи мне,
Благодатью твоей осени,
Чтобы стали нетленны и живы
Навсегда в моём сердце они

Пусть наполнится верой, надеждой
Жизнь моя и познает любовь!
Позабудется горькое прежде,
Станет яркою звездочкой новь!

Чтоб светить, раздавать. помогая
Всем уставшим в нелёгком пути.
Чтобы радость весеннюю мая
В своём сердце мне к людям нести!

СТИХИ – ДЕТАМ

Тамара Дронова

г. Старый Оскол

Родилась в с. Огибное Чернянского района Белгородской области. По образованию воспитатель дошкольных учреждений. Наряду с любовной лирикой и поэзией на православную тему пишет стихи для детей.

Лето

Улыбается природа,
Приоткрыв зеленый рот.
Лето, солнце и погода
Погулять детей зовет.
Я уеду на все лето,
К вам, просяные поля,
Перепелки до рассвета
Убаюкают меня.

Утро в лесу

Утром солнце рано встало,
Быстро выпило росу,
Кувыркком с горы сбежало,
Разбудило всех в лесу.
Шмель летит, включив моторчик –
У него рабочий день,
Муравьи с высоких кочек
Вниз спешат, уходит тень.
На поляне шумно стало –
Жизнь в лесу кипит рекой.
Солнце, где же ты достало,
Новый день для всех такой.

Компьютерные дети

С компьютером мальчишка
Играет день и ночь.
И маленькая мышка
Спешит ему помочь.

Заброшены игрушки
И книжки, и друзья,
Компьютерная мышка –
Давно ему семья.

С знакомою девчонкой
Ведет он разговор –
Все обсуждают тонко
И не спешат во двор.

Компьютерные дети,
Да бросьте вы играть
Всё лучшее на свете
Ведь можно потерять.

В гостях у елочки

Новый Год, танцует елка.
Дети в хоровод идут,
И хлопушки без умолку
Разноцветный дождик льют.

И снежинок белых много
И не тают на ветвях.
Веселиться будем долго
Мы у елочки в гостях.

Цветы для мамы

Подари мне, солнце, лучик
С золотою бахромой,
Ведь сегодня самый лучший
Праздник мамы дорогой.
Я искать не стану розы,
Подарю букетик ей
Яркой, солнечной мимозы –
Станет мамочке теплей.

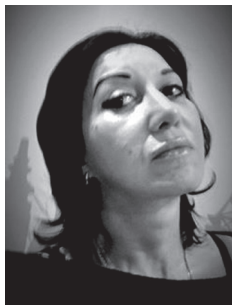
Спор

На полянке громкий спор –
Раскричался мухомор
В яркой шляпе дорогой –
Земляничку пнул ногой.
«Я красив, я лучше всех,
Ждет меня во всем успех.
Вы, невзрачные лисички,
Сыроежки, землянички.
Сразу вас не разглядеть,
Не могу я вас терпеть!»
И с улыбкой милой, сладкой
Молвит ягода украдкой:
«У тебя под шляпкой яд,
И никто тебе рад».

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «ТАТЬЯНИН ДЕНЬ»

Татьяна Аксенова

г. Москва

Выпускница Литературного института им. Горького, автор книг стихотворений и переводов, член Союза писателей России, эксперт Российского Союза Писателей, руководит Литературным объединением «Татьянин День» в Алтуфьево. Московской областной организацией СП России присвоено звание «Заслуженного поэта Московской области».

Ради любви...

Если когда-нибудь свидимся снова -
Как мне сдержатъ эту боль на цепи?..
Больно, о, Господи! Только - ни слова,
Слышишь, душа, потерпи!

Перст на губах - перечёркнутый возглас
И не на шёпот - на мысли запрет...
Шёл бы ты мимо, покуда не поздно,
Чтобы ни взгляда - в ответ!

Дрогнет рука - и всё сразу исчезнет:
Гордость моя, сила воли и честь...
Знаешь ли, словно срываешься в бездну -
Чувство, что ты во мне есть!

Будто летишь обезумевшей птицей -
Всюду в астрале твой взгляд как силки!
Если когда-нибудь встреча случится,
Логике всей вопреки

Вдруг затрепещут ресницы, то всё же
Вряд ли не хлынут потоки из глаз...
Останови нас, о, Господи, Боже,
Лбами не сталкивай нас!

Если ж не вместе - пиши, всё пропало:
Замысел Твой нарушаем людьми.
Как это много и как это мало -
Жертвовать ради любви!..

Кричала птица...

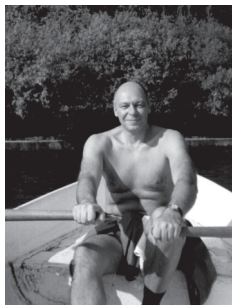
Кричала птица, гнездо прикрывши, в слезах, в тумане
О том, что небо на землю ляжет лавиной белой.
Не улетела! Наивно думать, что летом - пела,
Детей растила с глазами грустного Пиросмани...

На чёрном фоне стволов осенних она светилась,
Как все животные - на три четверти, в повороте.
Но нет, не видно, а только слышно! Лишь тени бродят,
Да хлопья снега врачуют кроны, как Божья милость...

Я ей откликнусь и слёзы вытру ладонью правой.
И принесу на ладони левой - небесной манны.
А, знаешь, птицы не получались у Пиросмани -
Олени больше, медведи, люди, ну, и жирафы!

Как странно всё же: Луна откуда-то снизу светит,
Темнеет рано, а почва кажется золотую...
«Кричала ночью! Приснилось что-то?» - спросили дети.
Как будто выпавший снег под утро того не стоит?

Я вспоминаю, в слезах проснувшись, гнездо с птенцами
И то Крыло, под которым дали нам приютиться...
На тёмном фоне светились у Пиросмани лица -
Земля родная, в которой пустошь звездой мерцала!

Георгий Бойко

г. Москва

Родился в 1957 году в Москве в семье дипломата. Закончил МГИМО по специальности «Международная экономика», литературой увлекался с детства. Писать начал в 1999 году, долгое время позиционировал себя как поэт-декламатор. Специализируется на исторических фактах в судьбах поэтов.

Пишется пьеса...

Не за «коллочкой» в тюремном бараке,
 А на приёме в посольстве во фраке
 Изображает Рокфеллера с Морганом...
 В толк не возьмут ситуацию «органы»...
 Ест из торгсина деликатесы...
 Знают где надо, что пишется пьеса...
 Пьеса заслушана в главреперткоче -
 Критики, будто застывшие в коме,
 Ёжатся, прежде привыкшие пыжиться...
 Им ли не знать, для кого это пишется?!
 Как им не вспомнить на полном серьёзе
 О Берлиозе, почившем не в бозе?!
 Ясно, что с благословения свыше
 Пишется пьеса... И пьеса всё спишет!
 Зрителем главным идея одобрена,
 Так что актёры на роли подобраны.
 Едет бригада на место в Аджарию...
 Только петух клюнул в темечко жареный
 И не доехали... Плохи дела! -
 Пьеса заказчику не подошла...
 Мёртворождённая, образы тусклые,
 Драматургия достойна Латунского...
 Так себе пьеса... Для Мастера - мелко...

.....
 Не окупается с Воландом сделка!

Посвящение автору «Песни о встречном»

*Кудрявая, что ж ты не рада
Весёлому пенью гудка?
Борис Корнилов*

«Дело» из ничего раздутое
Доведут легко «до ума»...
В лучшем случае - Колыма...
.....
Песня льётся из репродуктора!

Это что же такое деется?
Цензор, что ли, недосмотрел?
Ведь напишут ещё в свидетельстве,
Что причина смерти - расстрел...

- «Шостакович. Слова...НАРОДНЫЕ»!
Не Корнилова! Вот те на!
Ишь, спроворили! Мама родная!
Песня нужною сочтена!

Продолжают крутить по радио,
Продолжают и трын-трава...
Продолжайте! - Поэт обкраденный
Не стоит за свои права.

Положение всех нелепее...
Получи от моих щедрот!
Принимает его наследие
Трудовой советский народ!

И страна пусть встаёт со славою!
Ты, гудок, веселей гуди!
Встречный план выполняй, кудрявая,
Второпях сорвав бигуди!

ПОЭТИЧЕСКИЙ КЛУБ «ПТИЦА-ТРОЙКА»

Клуб «Птица-Тройка» создан в содружестве с одной из старейших библиотек Москвы — библиотекой №9 имени Н.В.Гоголя. Задачи клуба — сбережение родного слова, возвращение к нравственно-духовным началам, укрепление дружбы между народами нашей страны и бывшего СССР.

Сергей Маслов

г. Москва

Родился в 1962 г. в Ростове-на-Дону. 25 лет отслужил в рядах Вооружённых Сил. Полковник запаса. Член Литературного объединения имени Героя Советского Союза В.В. Карпова при Военно-художественной студии писателей. Автор публикаций в журнале «Воин России», нескольких поэтических сборниках.

Добровольцы 41-го

Ах, какие были планы:
Институт, диплом, завод...
А теперь - вопрос из главных,
Как ловчей прибавить год?
Ах, какие планы были,
Как парили в облаках!
А сейчас, в завесе пыли,
Десять вёрст до «передка».
По остаткам обороны
Град свинцовый, словно кнут,
Вот приказ беречь патроны,
Вот приказ штыки примкнуть!..
Бег одышливый, несплавный...
В сердце жаркая игла...
Ах, какие были планы,

Ах, какие были пла...
...Обелиска выплеск тонкий,
На граните имена...
- Как вы в будущем, потомки?
Всё достроили за нас?

То была Великая война

Оглянитесь вы на век назад,
Разорвав межвременные клетки,
Устремите в прошлое глаза,
Горизонт расширив до столетья.
Оторвитесь хоть на час-на два,
Отдышитесь от архивной пыли,
Замостите памяти провал
К тем, кого давным-давно забыли.
Там, в минувшем – Августовский лес,
Пыльное шоссе под Танненбергом,
Где солдат на выжженной земле
Пал, на выстрел налетев с разбега.
Разомкните времени кольцо,
В прошлый век вернитесь силой мысли
И на миг представьте тех бойцов,
Что лежат в болотах Перемышля.
Номера дивизий и полков
Там предстанут серою пехотой,
Что ушла безмерно далеко,
Не оставив ни имён, ни фото.
Пусть сухие столбики потерь
Полыхнут страданием и болью:
В них кричат, взывают судьбы тех,
Кто разбитый фронт закрыл собою.
Память рвут разрывы канонад,
Оглушая орудийным воем...
То была Великая война,
Хоть прозвали Первой Мировою!

Ирина Новосельская

г. Москва

Журналист, член Союза писателей
России, автор трех поэтических
книг, четырежды мама.

Московский Кремль

Я тобой не могу надышаться,
Наглядеться никак не могу:
Стены – будто воздетые пальцы,
И брусчатка – в осеннем снегу.
Не могу, не могу наглядеться!..
Ухо чуткое различит:
Где-то здесь мое тайное сердце,
Настоящее сердце стучит!

***

Дай мне, Родина, счастья глоток.
Приголубь меня солнечным платом.
Свод небесный сегодня высок,
И медовым горчит ароматом.
Скину туфли, по глине пойду,
Непонятно чему улыбаясь.
И шиповник задержит в саду,
Будто детка, за юбку цепляясь.
И замру, не желая порвать
Ни колючек наивных, ни платья.
И светло, будто тихая мать,
Благодать меня примет в объятия.

***

Люблю галдёж Кузнецкого моста,
Рассыпанные в его арках лица.
Глядит из-под руки – из-под креста –
На разношёрстный люд моя столица.
Моя любовь, Кузнецкий мост, встречай!..
Как много здесь спешило и любило!
В водоворот потянет невзначай
Твоих силков неведомая сила.
Моя любовь, Кузнецкий мост, как встарь,
Не отдыхается тебе, не спится,
Пока домов предутренний янтарь
На чистом небе не зазолотится.
И я спешу о чём-то попросить –
Как будто на бегу не раздышаться! –
Хотела бы... когда порвётся нить,
В твоей брусчатке бусиной остаться!

***

Мне надо написать про мокрую сирень,
Про небольшой овраг и холм с Никольским храмом,
Про дом и про ковер, где воду пьёт олень,
Про школу и погост, про детство и про маму.
Мне надо написать, Мне надо рассказать,
Спеша, благодарить навязчивую память...
Про желтую листву, про детскую кровать,
Про тихого отца и хлопотунью маму.
Мне надо написать, пока стоит весна,
Пока метет февраль, пока густеет осень,
Рассыпать на листках все дни, все имена,
Всё, что стучит в груди и выплакаться просит.
Мне надо рассказать про мокрую сирень,
Про яблони и двор, про голубей под крышей.
Немедленно. Сейчас. Мне надобно успеть.
Они так долго ждут. А вдруг они услышат?..

Владимир Селицкий

г. Москва

Родился в 1963 году. В поэзии просматривается связь с традициями русского скоморошества. Автор работает на ниве возрождения русской словесности, давая возможность в своем творчестве развиваться импульсу софийного духа - носителю русской народной души.

Мангазея

Мангазея, ты, златокипящая,
Пушнодарная, да соболящая,
Легендарная, да лукоморная,
Рыбарейная, духом поморная.

Не гуртуешь уж кочи по Тазу ты.
Не крылуешь кордоны под пазухи.
Заюгорской земли самодийской тут
Розных всяк челоуецех не рыскают.
Поросла иван-чаем, сурепицей.
Токмо времени быстерь тут крепит цепь.
Лишь бугры от посада и крепости,
И у пристани вёсел заплеск уж стих.
Шабарчат ветра, плёс кручинится,
Брег роса утопляет полыньница.
По урвищам лишь призраки аки нем
Ваньки Толстого Уха с Акакием.

Но эпох жернова выбдят измолот,
Что сховали до срока в харизм болот.

Что снегами и хладом венчаемо,
Что веками хранимо, чуть чаемо.
Ополощено будет от мрака снов,
От кошуны осыпется прах лесной.
Крылошане возбнути побудкою
Песней вестною ангелов чуткою.
И из лепших, заквѣлых лишенников
Возгорится зарѣй орошень верхов.
Сыромятны отринут накидки лжей
Заполярных широт градов-китежей.
И в сермяжный уложат за ширью скарб
Пустозерска печаль да Зашиверска.

Воссияет земля мангазейская -
Лукоморная, не фарисейская,
Светом рдеясь Христа точно золотом,
Правдорубна, моралью промолота.
Из мерзлот хлынут ввысь как по бажите
Верших древ вертограда да пажити.
Богатырская мощь тут възгратиси
Вершник князь люду выймет порато сил
Кренделяща, сусальна заплещет Русь
Века нового вёслами вещей пусть.
И народ Христа инде на севере
Проведёт других кормчим во чреве рек.

Ольга Флярковская

г. Москва

Театровед. Член Союза писателей России. Лауреат международных и российских поэтических конкурсов. Автор двух книг.

Смородинка

Когда приплющит непогодина
и ветры душу украдут,
заветной баночкой смородины
развею зимний уют.

Намажу с горкой ломтик хлебушка,
в метельный гляну окоём!
А помнишь, как-то парнем с девушкой
зашли в смородину вдвоём?..

Тугие чёрные жемчужины
(что сны июльские, сладки!)
не в чашки скатывались к суженым –
а мимо прыгали с руки.

Ах, время быстро с горки катится,
Декабрь клюкой колотит в дверь.
Где ты, в разводах синих платьнице?
Где та смородинка теперь?

Журавлиная Родина*

Они поднялись вожжой,**
до здешних полей охочи,
над первой седой межой,
над Вьюлкой, Сестрой и Хотчей.
Растягом в широкий клин,
смешались с огромной стаей –
аминь, журавли, аминь!
Навеки ли мы расстались?..
В холодный поток ветров
вплетая тела и клёкот,
летят вожаки на зов
египетских рощ далёких.
Летят... и разлуки грусть
оскоминой сводит сердце...
Родные, счастливый путь!
Глядеть бы, не наглядеться...
Зато как ударит рань
лучом по низине топкой,
как выпустит цвет герань
в горшке на оконной полке –
как – вздохом одним! – весна
попятит снега к оврагам –
чу, звуков дрожит волна,
чу, в небе гонцов ватага!
Живём, журавли, живём
и что-то на свете можем!
Пусть горло слезами жжёт
и бродит озноб по коже –
такая сквозь душу синь
капелью стекает в вечер...
Аминь, журавли, аминь!
И – талой воды – за встречу!

---

* в Талдомском районе находится заказник «Журавлиная Родина» – единственное место в центре Европейской России, где на осеннем перелёте собираются серые журавли, редчайшие птицы Подмоскovie. Это имя дал краю М.М. Пришвин.

** лететь вожжой (о журавлях) – лететь цепочкой (народное выражение).

Александр Чжоу

г. Москва

Мои предки по линии матери жили на Большой засечной черте, по отцу - в южном Китае. Член Союза писателей России. Организатор Поэтического клуба «Птица-Тройка».

СторОжа

Солнце заслонив, крылом вороньим
 Поднялся над степью чёрный дым,
 И храпят встревоженные кони,
 Чужа приближение орды.
 Вдалеке густая пыль клубится,
 Гул копыт, людей не перечесть,
 Но уже спешат гонцы в столицу,
 И летит стремительная весть...
 На Угре, на Зуше и Осколе
 Среди дубов, где не отыщет взгляд,
 В дальнем порубежье, в Диком поле
 Крепости укромные стоят.
 Шляхи перекрыв, в жару и стужу,
 Зорко, от зари и до зари,
 Сторожат, заслоном первым служат
 Казаки, стрельцы и пушкари.
 И ещё защитой духовной,
 Наш рубеж последний в грозный час,
 Храмы, что построены с любовью –
 Пояс Богородицы у нас.
 Пусть в молитве у святой иконы
 Вспомнят обо мне жена и мать,
 Нам ли гнуться под стрелой калёной,
 Если Русь велела здесь стоять.
 Скоро выйдут вору на встречу
 Грозные московские полки,
 А покуда у черты засечной
 Держат оборону казаки.

Сталинград

Вгрызаясь зубами
В полоску земли,
Оплавленный камень
Отдать не могли.
Ни чёрной ракиты,
Ни пяди отдать...
Здесь кровью пропитана
Каждая пядь.
Под шквальным обстрелом,
Себя не щадя,
Дрались озверело
За город вождя.
«Кого мне, славяне,
В бою поминать?» -
«И Бога с маманей,
И чью-то там мать».
Не переставая,
Стучит пулемёт,
И птаха шальная
Зачем-то поёт.
«Ещё мы, братишка,
Хлебнём через край,
Ну, что же ты, Мишка,
Кисет доставай».
Как мал промежуток
Затишья, ведь тут
Не более суток
Солдаты живут.
И молятся камни
На этой войне,
Не видный пока мне
Дрожит в вышине,
Под гул канонады,
Открытый ветрам,
Руин Сталинграда
Пылающий Храм...

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТУДИЯ «ТВОРЧЕСКИЙ ФОНАРЬ»

Ольга Филиппова

г. Старый Оскол

Создатель трех сыновей, четырех книг и молодежной литературной студии.

ДЕКАБРИСТКА

Взгляд под ресницами
спрятала – блеск эполет! -
Танцует бретёр, флиртует гусар,
тоскует поэт.
С первого бала со скрипом
и стуком колёс
Развозят девиц по домам
десятки карет.

А в душу запали
Кому – эполеты, кому – слова.
Стучат по паркету
звонкие каблуки.
- Матушка, кто это?
Кружится голова...
- Поди, дорогая,
Он просит твоей руки...

За ним – на край света...
В мешочек ваниль, имбирь,
Кофе и чаю,
и тёплые вещи взять.
И катит холодный возок
за любимым - в Сибирь.
А возле икон
на коленях рыдает мать.

Дмитрий Зыбцев

г. Старый Оскол

Учащийся 11 класса

***

Истерзанный, измученный молвою
Бесмысленных жестоких голосов,
Приду домой и дверь свою закрою
На очень прочный и тугой засов.

Мой дом не пуст. Но нет в нем человека.
Нет суеты, и нет поспешных дел.
Нет фальши, лжи, натянутого смеха...
Я окунулся в то, чего хотел.

В беспамятстве, в нелепом послевкусии,
Инерцией раскручивая круг,
Я умираю в тягостных конвульсиях,
Вдруг ощутил прохладный нос у рук.

Мой друг. Мой пёс. Я про тебя забыл...
Сядь со мною рядом, помолчим.
Ну, раздели со мной мой ошалелый пыл,
И ту тоску, которой я гоним.

Он рядом лег, и взглядом озорным,
Мол, что ж, дружище, я все это знаю, -
Мне показал, что им-то я любим,
За что любим, увы, не понимаю.

И, опечаленный, вздохнув усатым носом,
Он сел со мной, и тоже замолчал.
И тот глупец, что чтит собак обозом,
Прохладный нос у рук не ощущал

Михаил Курянский

г. Старый Оскол

Учащийся 11 класса

Монахиня и чёрт

Потёрты джинсы, рваная рубашка, и голова,
        что не покрыта шапкой,
весь этот шлак покрыл для пафоса я паркой,
        что кажется для нынешней погоды жаркой,
  но не суть...

Пред вами в этом образе предстал я,
        что б приступить к захвату непорочной чистоты
Что б зацепить своими грязными стихами все струны
        вашей не обузданной души...

Душевный лед ваш растопить собрался,
        и план наполеоновский создал,
Сравним он с Барбаросса по скорости захвата.

        Вам кажется, что я устал?
О нет, поверьте мне, готов бороться до победного конца.
Плевал на то, что говорят мне – поступками похож я на отца.
Я образ ваш обожествляю,

        тем самым совершая смертный грех,
Монахиня, ну, не сочти ж за наглость желание использовать
        твой храм для «восемнадцать плюс» утех.

Посмотрим в зеркало: вдвоём мы смотримся неплохо.

Контраст между рогатым и крылатой – союз порока.

Со стороны я Люцифер, создание ада, сатаны,

Внутри – я просто ангел, а крылья спрятаны в груди.

Ты это поняла, и это чем-то привлекло.

И мои руки снова держат вас, как всадника седло.

Со временем поставлю я рога на полку,
        а ты повесишь крылья на крючок,

Но раньше времени не будем делать мы такой... скачок.

Я постепенно превращусь в унылого холопа,

Монашки платьё сменим на костюм монашки из секс-шопа.

И будем вместе бороздить мы этот чёртов океан,

Монахиня, что на фоно играет, и чёрт, что вечно пьян.

Иван Попов

г. Старый Оскол.

Поющий сказочник.

Тот, в ком есть любовь

В приют за верным псом,
Однажды я пришел.
Средь множества пород,
Его тогда нашел.

Он вял, облезлый хвост
И рыжий, как морковь.
Был странен, не красив,
Но в нем жила любовь.

Его я в дом привел –
Забился под кровать,
И на меня рычал,
Когда хотел достать.

Он жался и скулил,
Не грыз в восторге кость.
Но в нем жила любовь,
А мне твердили: «Брось».

Он не хотел идти,
Когда мы шли гулять.
И видно думал он,
Его хотят отдать.

Забывать, как страшный сон,
Вернуть опять в приют.
Где сырость темных стен,
Не даст ему уснуть.

Смеялась детвора,
Над верным старым псом.
Для всех моих друзей,
Я стал тогда глупцом.

Они твердили мне,
Про статью, породу, кровь.
Но это все пустяк,
Ведь в нем жила любовь.

И вскоре осмелел
Мой лучший в мире пес.
Не жался, не скулил
И грыз с улыбкой кость.

Был за меня готов,
Ввязаться в бой любой.
Но было мне важней,
Что он всегда со мной.

Он не спасал меня
От вора и волков.
Но верю – он бы смог,
Ведь в нем жила любовь.

Он умер в летний день,
Забывшись в сладком сне.
И благодарен я,
Что был в моей судьбе.

Бывает все не так,
И бьется в жилах кровь.
Найдя, не отпускай,
Того в ком есть любовь

Вероника Еськова

г. Старый Оскол.

Прозаик и поэт, лауреат городских и областных фестивалей поэзии

Маленькие люди

Маленькие люди в больших серых коробках
кичатся своим миром,
закрываются в бетонных загонах перебирать нажитую пыль
нежно, с жалостью о прошедшем...
Каждый вторник, каждую среду уборка.
На месте моего загона
уже много лет не то больница, не то морг.
Прозрачные люди с отсутствием самомнения,
эдакая безэмоциональная масса.
На верхних этажах – палаты, внизу – приемное отделение,
похожее на Содом или Гоморру.
Женщина – ходячий радиоприемник,
пищащая забытыми телефонами,
шуршащая потерянными паспортами,
не отдаст мне вещи, потребует, чтобы я сказала ей свое имя,
а я его не вспомню.
Я буду долго требовать свои джинсы,
замотанная в смирительную рубашку,
рассказывать плачущим навзрыд голосом
о том, что я не помню своего имени.
Мне его говорили,
Но, кажется, это было в прошлой жизни.
Она посмотрит, бесчувственно пикнет звуком старой
разряжающейся Нокии

о том, что не в её компетенции обслуживать клиентов
вроде меня. Почти люди...

Почти сегодня день рождения,

почти женился,

почти выбрался на новую ступень развития,

однако это почти преследуют их всю жизнь.

А я выберусь из приемного отделения,

так и не получив любимые джинсы,

замотанная в смирительную рубашку,

побреду в свой новый бетонный загон,

достану коробку со своей любимой пылью,

переберу каждую крупицу внимательно,

нежно сложу обратно, желая дунуть и отпустить прошлое.

Вечер.

Мой дом наполнится прозрачными людьми-призраками –
околодрузьями...

Больше я не услышала от них слова...

Со временем моя кухня станет таким же

приемным отделением,

а я – женщиной-радиоприемником,

пищащей старыми забытыми телефонами

и щуршащей утерянными паспортами...

Вадим Стригуновский

г. Санкт – Петербург.

Поэт и музыкант

***

Заключенные во временную петлю наших песен,
Запутавшись, как в клубке – в колесе сансары,
Мы бежим сквозь дорожную пыль – в поднебесье,
А за нами за каждым углом – санитары.

В погоне за счастьем выберем смерть – и воскреснем.
Каждый мир на пути покидая гостем незваным...
Ты услышишь о нас сразу, как мы исчезнем,
Распознав среди прочих примет - взгляд усталый

Равнодушный, стеклянный. Разорваны капилляры,
В них распят на кресте повседневности быт.
Мы бежим сквозь дорожную пыль, разжигая пожары,
Сердце вторит истерикой – рваный, раздолбанный бит.

Появляемся и уходим выдохом сотни уст
Лицемеров и циников, трезвых или подпитых,
Взгляд прищурен, взвешен, и для кого-то – пуст,
Взгляд стеклянный, в расфокусе– и убитый...

Екатерина Ермолова

г. Старый Оскол

16 лет

***

Город сковали морозы лихие,
Греет теплом непосаженным сердце.
Стали друг другу давно мы чужие,
Но не забыть, не унять старых бедствий.

Ложного эха порывы воскреснут,
Вскроются мысли забытого прошлого.
Мнимое грянет,убьется словесность,
Прольется чрезмерно испорченность ложного.

Голос души, как пузырь унижения,
Ноет и ноет,и, скованный болями,
есть у тебя жалость и сожаление?
Не удивить тебя снова расколами.

На фоне метаться пустынных видений,
Без цели,без смысла,без капли эмоций.
Скитаться годами среди тени сомнений,
Даже когда эта цель разобьется.

Я сломлена жизнью? Отнюдь, это спорно.
Я просто в тумане,слезами согрета.
Внушают нам люди - живем мы притворно.
Проиграна битва? Иль наша победа?

Не важно. Гадать мне уже ни к чему.
Мы – хрупкие кости фантомов космических,
И каждый из нас, как привитый к клейму,
Рожден умереть и воскреснуть циклически.

Николай Добов

г. Старый Оскол.

Лауреат областных и городских фестивалей поэзии

Антон Мечников

Антон Мечников был не самым популярным в классе
 молодым человеком,
 иначе говоря, его периодически били в раздевалке
 со сменкой его же пакетом
 и смывали шапку в унитаэ.

В общем, это даже не гамма, а скорее омега.
 В сторону дамы сердца за соседней партой он даже
 смотреть стеснялся.

Старался не выделяться, общался по минимуму, в общем –
 социальный калека,
 ведь ему вообще не светит продолжение рода.

Не то что бы он был уродом,
 Нет. Просто не умел драться, отстаивать свое мнение,
 совокупляться, не умел правильно вскрыть вены,
 общаться с людьми, подтягиваться,
 преодолевать прочие подростковые проблемы.

По окончанию школы Антон Мечников нашел ответы.
 Начитался битников, давно мертвых поэтов,
 наслушался Егора Летова и Эминема.

Он уже не грязь из-под ногтей, а богема.
 И вот пришла идея: надо нагибать
 этих донных гадов, не физически, а морально убивать!
 «Я стану известным художником или писателем макулатуры,

поэтом-репером!..», что не сложно для данной конъюнктуры.
Бросает институт, посылает профессию металлург,
что привела бы его напрямиком к горящим печам, будто в аду,
ибо нет в этом творческого начала.
Мать недоумевает: «Что с нашим сыном!?!», отец выгоняет его
из дома с вещами.
Наш Антон устраивается грузчиком в убогий магазин,
чтобы было где жить,
пытается делать картины. Страдает от неразделенной любви
и начинает пить.
Болезнь прогрессирует, и он уже бывалый алкоголик,
его выгоняют с работы.
Зато творчество пошло. Идей полно. Правда,
теперь он напивается до сна в туалете и кровавой рвоты.
Картины продаются, но под другим именем, ибо первое
время страшно выставить на всеобщее обозрение,
на общий суд и компетентное мнение.
Родителей давно не стало. Наш герой живет теперь
в старой квартире.
Марают холсты, платит коммуналку, продавая картины.
Сходит сума, девочка из шестого «А» никогда не придет.
Теперь только мерещится.
Рисую на обоях, Мечников научился вскрывать вены,
но в ее день рождения он предпочел повеситься.

Софья Якименко

г. Старый Оскол.

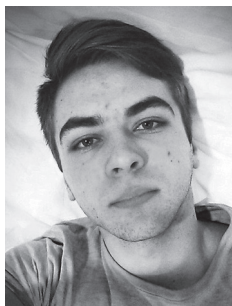
Учащаяся 10 класса

***

Мы вечно толкуем о жизни,
 Не зная о ней ничего.
 Страдания, боль людям приносим,
 Хотя излучаем добро.
 Мы гибнем так сладостно в муках,
 Как будто за смертью ждет рай.
 И гибель желая кому-то,
 Кричим мы : «Не умирай».
 Глухими мы будучи, слышим
 Сужденья,укоры в наш счет.
 Слепому укажем дорогу,
 хоть знаем, что он не дойдет.
 Двоякость обличия вольно,
 Бросается сразу в глаза.
 И жить мы не можем достойно,
 Мы фальши исполнены,зла...

***

Нас ошибки не учат вовсе,
 Время будто совсем не лечит.
 Мы любить можем лишь однажды,
 А притворствовать в силах вечно.
 Мы наденем венец терновый
 Для страданий – они ведь лечат.
 Только иглы его сурово
 Нашу черствую душу калечат.
 Только иглы его заставляют
 Вспомнить то, что с трудом отпустили.
 Будто мы добровольно ядом
 Захлебнуться от горя решили.
 И сквозь боль, мы кровавые слезы
 Вытираем о щеки чужие.
 Говоря о любви и чувствах,
 Представляем «чужих» нам родными.

Вадим Козлов

г. Старый Оскол

Учащийся 11 класса

***

Сквозь окна и тюли – неоновый свет
Режет стены, пропахшие дымом,
Голову давит полуночный бред.
Нет бы, думать о ком- то любимом.

Ах да, ее смерть у меня забрала,
Как и тех, что были всего дороже.
И жизнь до края меня довела:
в руке пистолет – и страшно до дрожи

Вот так вот в темном сидеть углу,
Выбирая меж жизнью и адом,
Взглядом бегая по стене и стволу
Ведь с детства был грешным гадом.

Ко дну отчаяние тянет разум,
Воспоминания навевают тоску.
Но все это исчезло сразу,
Только ствол я поднес к виску.

Нервы. Капли пота падают на пол,
В глазах флеш-беки мелькают быстро.
И вопрос – опущу ли сегодня я ствол?
Или все-таки сделаю выстрел...

Илья Колодыко

г. Старый Оскол

Дизайнер

В детском саду: знакомство с книгой

На улице бушевали неведомые нам силы. Ветер захватывал с земли горсти опавших листьев, поднимал их в воздух и разбрасывал со свистом и невероятной силой во все стороны. На деревьях оставались редкие сиротки, да и те трепетали из последних сил.

К подоконнику, к окнам прибивались самые разные листочки – дубовые, кленовые, берёзовые, рябиновые. Они наклеивались на стёкла и становились аппликациями на окнах детского садика. Аппликациями диковинных узоров, забавных рисунков, последнего листопада. Листья собирались, точно на подбор, раскрашенные осенью в яркие горячие цвета, с неповторимым орнаментом, с прожилками. Кленовый лист, ну, очень походил на пятерню!

А внутри, в игровой комнате детского сада, было спокойно, тепло и уютно. Свистящие ветры, барабаниющий изо всей силы дождь, шлёпающиеся на стекло закалённые стихиями листья – всё это происходило за окном.

Воспитательница собрала около себя всех ребяткишек нашей группы. На нашем детском языке она объяснила, что нас ждёт удивительное путешествие. Послушные дети незамедлительно заняли стулья, образовали полукруг.

Любовь Ильинична сидела перед нами на своём взрослом стуле, она надела очки – и походила на черепаху Тортиллу. На наших глазах она раскрыла книгу, начала читать: просто, как сказку, не добавляя от себя ничего. Она читала – а мы не издавали ни звука, следили за каждым движением, которое хранила волшебница-книга. Казавшаяся неугомонной детвора, как по мановению волшебной палочки, превратилась вдруг в почтенную публику. Мы совершали приводящие в восторг наблюдения и открытия, путешествовали по лесу вместе с невидимым проводником. Кто же он? Что это за маг?

Да, теперь я запомнил эту книгу – М. Пришвин «Беличья память» – так она называется. Пытливые дети, вернувшись из удивительного путешествия, конечно же, рассмотрят книгу, пусть они ещё не умеют читать. Вначале зададут вопросы воспитательнице, а потом начнут приставать к родителям: «Мама, папа, почитай мне вслух?»

Неожиданно Любовь Ильинична оторвала глаза от книги, положила её на колени и посмотрела на нас. Мы ждали продолжения, поэтому сидели смирно, как мышки. Лелеяли надежду, что путешествие вовсе не закончилось, книга ведь ещё оставалась открытой, а там «диковинная Сыроежка, точно тарелка с водой, лесные звери, птицы, паучок и добрый старичок, который понимает, что птички щебечут и никого в лесу не обижает».

«Дети, все видели, сколько я прочла?» Конечно, мы наблюдали, как Любовь Ильинична иногда, да и перевернёт лист, следили за перемещением взгляда воспитательницы с одной половинки книги на другую. А тайна «УМЕТЬ ЧИТАТЬ» поглощала всё моё внимание. Для меня это было великое Чудо. Сокровище, которым я хотел овладеть. Мир таил столько загадок, книга же разъяснит мне любую из удивительных необычностей. – «Мой язык устал говорить, просит отдыха. А я тоже желаю знать, что дальше? Как же мы поступим?.. Может быть,

кто-то из вас, ребята, меня заменит? Почитает вслух. А я отдохну, представляете, – мечтательным голосом, – как приятно слушать сказки. Ну, кто из вас умеет читать?..» В последовавшую паузу можно было расслышать разве тиканье часов и не перестающий стучать по подоконнику дождь. Никто так и не отозвался. «А может, среди нас таких просто нет? Мои друзья не умели читать. А то бы не то, что вся наша группа, – весь садик давно бы знал, что самый умный мальчик – это Валера или Никита, или Рудик! Хвастать они умели, прямо как Заяц-хваста».

«Дети, а я знаю – среди вас есть одна девочка, которая умеет читать! – радостно возвестила воспитательница. – Но эта девочка вдобавок и скромная! Она мне рассказала по секрету, что выучилась читать. И тут же показала как. Очень хорошо у неё выходило», – Любовь Ильинична говорила загадками, не открывала нам, кто эта девчонка, которую все мы знали, но при этом не знали, что она ВЫУЧИЛАСЬ ЧИТАТЬ. У нас загорелись глаза. «Ирочка, выходи сюда, ко мне! Ну-ну, смелее! – ласковым голосом позвала девочку Любовь Ильинична. – Буквы в этой книге большие».

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Сергей Шаргунов

г. Москва.

Родился в 1980 г. в Москве. В 2002 г. Сергей получил диплом журналиста-международника в МГУ имени М. В. Ломоносова. Работал в Думской комиссии по расследованию событий осени 1993 г. Был специальным корреспондентом отдела расследований «Новой газеты». Обозреватель радиостанций «Коммерсантъ FM» и «Финам FM». С 1 июля 2012 года — главный редактор портала «Свободная пресса». Как журналист находился в зоне боевых действий в Южной Осетии в 2008-м и в Донбассе в 2014 году. Сергей Шаргунов — лауреат государственной премии Москвы в области литературы и искусства. Книги Шаргунова переведены на итальянский, английский и французский языки. Депутат Государственной Думы РФ.

Свой

— Нас окружают, — сказал парень рядом.

И сразу Илья услышал то, на что не обращал внимания.

Вкрадчиво хрустели ветки. Словно подавая сигналы.

Лес, высоченной чернотой обступавший просеку, был полон нехорошего движения.

Это была даже не просека, где они стояли, а разбитая колея с окаменелыми комьями земли, а слева и справа кто-то с треском приближался.

Хряск, хряск...

— Окружают, — сказал парень виновато. — Лучше посижу, — он быстро опустился на землю: призрак человека с призраком автомата.

Хряск, хряск...

— Окружают, — несло от одного к другому.

— Тишина! — отрывистый приказ. — Заткнулись!

Илья замер, остановив дыхание, разом прикинувшись неживым. Хруст перестал, значит, и в лесу тоже замерли, и от этого стало жутко. Ночь густела — еще чуть-чуть, и можно мять ее, как пластилин.

Он ссутулился, чувствуя горб рюкзака и неловкий черепаший панцирь бронезилета, нянча двумя руками автомат, ставший лишким и почему-то лишним.

— Я слышал рации, — пылкий шепот.

Успокоительно:

— Здесь зверей много.

За деревьями размашисто зашуршало, как будто протянули тяжелую тушу.

Илья повесил автомат на плечо, снял каску, душившую горло ремешком и накрывавшую слух, опустил на землю.

Ведь всех сейчас уложат, двенадцать человек. Уложат... Вряд ли плен. Просто всех уложат...

В небе навстречу его молниеносному взгляду пролетела лучистая строчка. Следом еще одна. Звездопад. В эту ночь был настоящий звездопад. Звездная собачья свадьба. Их было непривычно много, и они там в своей тоскливой серебристой вышине клубились, грызлись, метались — наверно, лаяли. Откуда еще увидишь такое небо? Мы уже пересекли границу? Сказали: да...

Удивительно — конец мая, но здесь ни одного комара.

По сухим комьям дороги заиграли яркие лучи фонарей.

Людские фигуры шатнулись, выпуская к лесу двоих. Илья споткнулся и, выпрямившись, в каком-то инстинктивном танце проскользнул к машине, бронированной белой газели с облупленной зеленой полосой на борту. Влез внутрь — было черно и пусто — пробрался на последнее сиденье, к бойнице, откинулся, поставив автомат между ног, и закрыл глаза.

Сколько времени? Время в телефоне, телефон приказали сдать еще давно, чтобы не засекали.

Уснул в минуту — отрубил опасность...

Разбудил грохот. Что-то ползло мимо. Вылез, увидел грузовик, который встал с погашенными фарами.

Позади газели темнело плотное стадо, грузовик к грузовику.

Наскочил старшой, с силой хлопнул чье-то плечо, протараторил в возбуждении:

— КамАЗ полетел!

— Как?

— Застрял! — Глаза, хорошо различимые в темноте, казалось, светились, проясняя бешеное лицо с клочковатой бородой.

Илья почувствовал бодрость: есть подмога, окружения нет... Прислушался. Хруст вроде еще звучал, но нестрашный, уже жалобный. Может, и правда звери, но ничего, много нас, охотников. Или это сами деревья приветствуют освободителей скрипом.

Пошел навстречу грузовикам. На дороге теснилась молчаливая толпа, он продирался сквозь нее — разбирали автоматы, натягивали броники и каски.

А там, куда поднималась зябкая дымка, там по-прежнему сверкал звездопад...

Возле одного КамАЗа было пусто, но из черной пасти открытого кузова доносился гуд. Словно бы улей инопланетных пчел. Непрерывные голоса сливались в сладко-гортанное прожорливое урчание. Неужели демоны ночные? Может, их прислал звездопад?

— Братан, кто там? — окликнул первого встречного.

— Чего?

— Это че за гундеж?

— А... Чечены!

— А...

— Погнали! По машинам! Быстро! — раздались крики.

Он прошел кромкой леса и, поняв, что возвращаться к своим поздно, приблизившись к случайному грузовику, запрокинул голову:

— Ребят, сюда можно?

— Мест нет!

— Да ладно, лезь!

Он ухватился за крепкую камуфляжную руку и вскарабкался туда, где было битком. Захлопнулись. Засел на дне, верхом на «шмеле», круглой трубе, на которой с первой минуты больно стало подскакивать, но и держаться оказалось не за что...

Встал на колени, протиснувшись к боковому борту и вцепившись в его железо, и теперь так и ехал — с автоматом на плече, на коленях около пулемета, а сверху кто-то сказал ласково:

— Я когда стрелять начну, ты головушку нагни...

Грузовик помчал. Молчали напряженно. Дорога сузилась. Ветка хлестнула по кузову, как выстрел, боец справа в ответ лязгнул затвором, неотступно уставившись в лес.

Начало светать, среди смутно-сизой дымки лес обретал насыщенно-летние тона, и проступали те, кто был в кузове. Илья посматривал на них, пятнистых и крупных... Рожи славянские... На руках кожаные перчатки без пальцев, некоторые в вязаных масках...

— Ты с каких мест? — спросил все тот же ласковый голос.

Илья покосился вверх — человек не прятал лицо, добродушное и спокойное: голубые глаза под оранжевыми бровями, полные щеки повара тряслись, красноватые, как будто распарились у плиты.

— Москва...

— Ых!

Этот насмешливый вдох перекинулся на весь кузов, но тут их мощно подбросило, и раздался общий выдох ругани.

— А вы откуда? — крикнул Илья, перекрывая ветер и скорость.

Вырвались из леса на голое пространство степи.

— Беркута! — почему-то этот хлипкоголосый слышен был отчетливо. — Я с Харькова. Да кто откуда...

Въехали на пригорок — привстав и глянув назад, Илья увидел петляющую между полей и рощиц дорогу, по которой, вздымая пыль и рассеивая рассветную мглу, слепя фарами, гнали вперед и вверх грузовики.

А, наверно, весело сейчас разбомбить этот караван...

Машина опять взлетела. Мина? Их швырнуло друг на друга и перемешало — валясь с ног, стучаясь автоматами, они неразборчиво заорали все вместе, возмущенно, но и восторженно, как будто в порыве братания. Илья зажмурился, цепляясь за уплывавший ящик, укатывавший огнемёт и чьи-то шнурованные ботинки.

По крыше гулко застучали кулаки.

- Шумахер хренов!
- Эй, козел! Слышь, не газуй!
- Как приедем, шофера сразу к стенке, — заржал казак с пушисто-седыми усами, в синем мундире и синей фуражке с красным околышем, чем-то похожий на букет полевых цветов.
- А правда, почему он так гонит? — выпалил Илья.
- Когда быстро, попасть сложнее... — объяснил пулеметчик.
- Откуда?
- Да откуда... Хоть с земли, хоть с неба... Думаешь, они не знают, что мы едем? Вчера бой был... Три машины сожгли...
- Два «двухсотых», шесть «трехсотых», — готовной скороговоркой отозвался кто-то справа.

Илья всматривался в рассветную местность: где затаилась засада — за тем аккуратным, точно подстриженным кустом или в той голубоватой траве?.. Как он умудрился посеять кашку? Какая завидная, наверно, мишень его голова, которая крутится и подпрыгивает над железным бортом... Наверно, ее первой разобьют!..

Колени болезненно ходили ходуном, ему хотелось нагнуться в поклоне, спрятаться хоть за какой-то заслон, но этого унижения он не мог допустить.

Левое плечо тяготил и мотал автомат: «Доброволец. Ты — доброволец».

Поднял глаза на пулеметчика:

– Победим?

Тот неожиданно по-родственному сощурился:

– Сто процентов!

Вдали то ли туман, то ли привязанная коза...

«В эту ночь решили самураи перейти границу у реки, — песня из детства, зачем-то он пытался расшифровать ее, иногда зависая на словах, как в молитве. — Так... Перейти границу... И я тоже — через границу, ночью... Но разведка доложила точно... И летели наземь... Значит, если нас встретят сталью и огнем, мы полетим наземь... Но это как? Сразу смерть? Или можно упасть, уползти, затаиться под кустом? И лет-е... наземь самура-а...»

Он стал себя развоплощать, готовить к смерти, подумал о друге Иване по фамилии Пушкин, который не узнает про эту

войну. Отчаянный гуляка, поэт, блондин. Он часто шутил о смерти. Однажды позвал гостей на день рождения ровно к девяти вечера — «и ни минутой позже». Дверь была открыта, они прошли в комнату, где хозяин лежал, сложив руки крестом на груди, а неизвестный снимал с него гипсовую маску. Такой розыгрыш. Маску Иван повесил над диваном. А год назад, в конце мая, его нашли в Филевском парке с проводом на шее. То ли повесился, пьяный, то ли повесили... Он лежал в гробу, похожий на себя тогдашнего на диване, весь похожий на слово «поэт», с лисьей большой усмешкой... И вот сейчас лететь в неизвестность по извилистой дороге — это была как бы сопричастность другу... Он как бы летел по его мертвой улыбке... «Я рискую головой, чтоб тебе там было не так обидно... Ну если что, стану, как ты».

А вот о девушке Полине и о матери почему-то ничего не подумалось... Наверно, из жалости к ним.

Полина, с которой недавно стали жить. Длинношея. Девочка-мерзлячка. Кожа гусиная на лебязьих косточках.

— Держись, Москва! — Кто-то, оскалившись многочисленными стальными зубами из прорези в черной маске, поднял перчатку с торчащим вверх голым большим пальцем. — Мы все теперь москали!

Опять тряхануло — затормозили...

И тут же, как остальные, Илья посмотрел в небо, пытаясь разглядеть вертолет, стрекочущий в сизо-белесом облаке.

Зачертыхались.

Позади один за другим, гася фары, останавливались грузовики. Из кабины выскочил мужичок в ватнике и крикнул, задрав мелкое детское лицо:

— Наземь! — И после паузы: — Приказ «Хорвата»! — Он потрясал хрипящей рацией с толстой антенной, словно какой-то игрушкой вроде танчика.

Илья, как все, снял автомат с плеча, перекинул ногу через борт, потом вторую — оттолкнувшись, прыгнул.

Позади и спереди тоже прыгали.

— Ложись! — прозвучало уверенное, и он немедленно растянулся рядом с человеком в маске, как и он, выдвинув автомат вперед себя.

Они залегли на краю дороги в жесткой траве, позыркивая друг на друга и вверх, где под настырный механический стрекот выплывало огромное красное солнце.

Солнце юга заливало все собой.

Стрекот слабел, таял, пока не исчез.

Утреннее тепло стелилось по степи.

Илья легко и радостно вскарабкался со всеми в грузовик, и пускай ехал по-прежнему на коленях, но высунувшись по бро-нежилетную грудь, точно бы вырос. Избежали окружения, избежали боя. Неужели так все и будет — ни одного выстрела? Видно, в этом особые чары войны — не сам бой, а постоянная его угроза. Автомат он сообразил снять с плеча и придер-живал рядом со стволом пулемета.

Черный остов выгоревшего грузовика, кругом по траве ба-рахло, наверно, из рюкзаков. Боец справа с чувством рывкнул, Илья не расслышал, но на всякий случай кивнул. Террикон, величественный, как усыпальница дракона. Распаханное се-рое поле, ноздреватое, как хлеб. Мазанки, похожие на боль-шие куски каменной соли. Старушка, издалека похожая на беззаботную, даже веселенькую тряпичную куклу.

Машина пошла медленнее. Блок-пост. Трехцветный флаг воткнут между сложенных стопкой шин. Мальчишеские фи-гуры, озорные окрики, машущие загребущие руки...

И был город, и площадка возле какого-то армейского зда-ния — широкие бело-голубые плакаты из недавнего прошло-го требовали «Захист Вітчизни». Все прибывшие плотно куч-ковались, как бы робея, стараясь не стоять поодиночке.

Зато по центру площадки разминались чеченцы, каждый — видный, подарочный. С хрустом играли плечами, опирались на автоматы, как на костыли, посмеивались, черно, рыже- и седобородые. Они перед кем-то рисовались. Обернувшись, Илья увидел заброшенный недострой, бетонные блоки с оконной пустотой — хорошенькое место для снайпера. А че-ченцам будто бы и нравилось — дразнить темноту квадрат-ных провалов...

Когда началось, все время читал новости... Подумывал ехать в Крым. Одессу не давал Полине смотреть, и сам отво-рачивался. Он и Донбасс не мог смотреть. Из жалости. И не

мог не смотреть. И так хотелось прорваться через линзу телевизора. Через границу.

— Ты даже в армии не служил.

— Стрелять я умею. Я в тире всегда круто бью.

Прошлым летом были с ней в Одессе недельку, поливали лимоном барабульку в кафе на Ланжероне, и ничто, как говорится, не предвещало.

На войну подбил Серега, приятель со студенчества. Свел с движением добровольцев. Тоже собирался. В последний момент не смог. А Пушкин бы поехал, Иван, обязательно, несомненно, по любасу бы, но этот друг в земле. Уже скелет, наверно.

Илья, никого не предупредив, однажды майским утром собрал рюкзак, улетел в Ростов.

Полине сказал, что в Вологду, по делам издательства. Поверила: у него случались командировки.

И вот он здесь.

— Купол, — статный лысый мужчина, задержав, взвешивал рукопожатие.

— Вампир. Туман. Элвис Пресли, — звучало негромкое. — Ангел. Пятерочка. Самурай.

— Веселые клички, — паренек-новичок, дергая узким плечом, подтягивал автомат.

— Клички у собак, — хмуро-привычно поправил Купол.

Точно: голова как купол, круглая и нагая.

— А ты кто будешь?

— Не знаю...

— Незнайка, что ли?

— Позывной каждому нужен, — участливо объяснил старшой бородач, с которым пересекали границу. — Я Батон, можно Батя. Давай соображай: какой твой позывной?

— Ой, мне без разницы, — Илья растерянно заулыбался. — Любой подойдет... Не, ну серьезно, любой...

— Нормальный позывной, — разрешил лысый. — Пусть так и будет.

— Как?

— Теперь ты Любой.

— Почти любовь, — определил старшой.

Он лежал на матрасе в большом подвале после риса с тушенкой. Электрический свет из коридора тек в открытую дверь. Слева всхрапывал какой-то богатырь. Справа переговаривались. Один шептал настойчиво, немного шепеляво, будто шуршал целлофаном (Илья сразу дал ему позывной Целлофан), другой отвечал в голос, но приглушенно, смутно, как в бутылку:

— Пионер... У него в Краматорске правосек друга зарезал. Ну, он к нам.

— Зря он жестит. А все же надежный. Мало таких... Молодежь не идет...

— Есть, но мало.

— Только те, кто в Союзе жили... Они понимают, шо почем. Вот меня возьми. Я гроз четвертого разряда*. Сечешь? Так-то. Отец гроз и дед гроз. У нас забой да забой. А у молодежи шо? Забей да забей...

— Давно войны народ не нюхал!

— И ты заметь, все эти годы — мир и покой, а люди звереют! Раньше про собак говорили: сука, кобель. А теперь как? Мальчик, девочка... А сами звери!..

Илья усмехнулся сквозь побеждавшую дрему. Перед закрытыми глазами сверкал звездопад.

Ему снилось что-то детское. Он бесконечно тонул в мягком свете, качаясь в гамаке, тонул и качался, и дальше тонул. Повернувшись на бок, сквозь слипшиеся веки увидел бронежилет, автомат, берцы, сначала размыто-сказочные, но стремительно обретающие неотвратимую жесткость.

В тех же грузовиках прикатили к площади, полной народа, и выстроились с краю. На площади люди кричали хором, по складам, просительно, жарко, запрокидываясь и высоко размахивая флагами. Они кричали: «Россия!».

Женщины побежали к грузовикам, наперегонки, с цветами. Возле Ильи у бокового борта стояли все в масках и хватали стебли перчатками. Илье достался махонький и невинный, с закрытым розовым бутонем мак, похожий на мышонка. Его протягивала не первой молодости тетка с красиво-горемычным, как бы вспухшим лицом, большим влажным ртом и большой грудью, взбудоражено гулявшей под синим пла-

тьем. Распушенные волосы ее были светлыми, но пока она тянула цветок, Илья увидел взлипшую подмышку с темными водорослями и подумал, что голова крашенная.

Побросали цветы на дно, по команде подняли вверх автоматы, перевели на одиночные и начали стрелять — залп, два, три... Это он умел.

Женщины отбежали обратно в толпу, которая перестала кричать и бессвязно бормотала. Салют по мертвым. Илья, дергаясь щекой на грохот, давил на гашетку и опять вспомнил друга, найденного в Филевском парке у тополя в первом пуху в петле из провода.

«Вот и пострелял», — подумал, нагибаясь за цветком, и обжег пальцы о дымившуюся гильзу.

На рассвете отправили в аэропорт.

Батон шутовским жестом протянул к дверям автомат, они услужливо разъехались, и Илья вошел вместе со всей группой.

Те, кто проник раньше, казались пассажирами, ждущими ранний рейс. Слонялись, отражаясь во внутренних стеклянных конструкциях и промытых витринах, за которыми было еще темно, вчитывались в электрические икринки табло, сидели на рюкзаках, правда, все были вооружены, а некоторые курили назло табличкам на украинском и английском.

Пустые стойки... Ни милиционера, ни уборщицы...

Длинный тип в черной пиратской косынке подошел к стене с высоким серо-стальным барельефом (приветный старик в очках) и продекламировал нараспев:

— Композитор Сергей Сергеевич Прокофьев.

Батон иронично икнул куда-то в клочья бороды.

— Му-му-мум-му-му-му! — вдруг запел длинный. — Му-му-му-му-у-у! — И торжествующе возгласил: — Любовь к трем апельсинам!

— Не слышал о таком извращении, — Батон отечески осалил его по плечу. — Короче, обстановочка, — он понизил голос, притягивая к себе группу. — Там, в том терминале... — перчатка показала в отточено-полированную даль, — спецназ кировоградский. Они нам на фиг не нужны. Пускай в Киев улетают на своем литаке... А они и не против. Все будет хорошо.

— Да мы даже не сомневаемся! — громко сказал Илья, и его поддержало несколько хохотков.

Время текло вяло и сонно, но когда солнце засветило вовсю, началась движуха. Купол, зашуршав какими-то картами, позвал Батона, и тот стремглав повел отряд за собой.

Пробежав несколько пролетов вверх, Илья вынырнул из люка под слепящее пекло.

И тут они были не первыми — на широкой крыше расположилось человек двадцать автоматчиков.

— Загораем, пацаны, — Батон поймал в кулак бороду, будто сейчас сорвет, как ненужную в этих краях шерстяную вещь.

Метров за сто на такой же башне копошились вражеские фигурки, передвигали железки...

— Знаете, чем мы отличаемся? — засипел, садясь на корточках, седовласый мужик в тельнике. — Мы идейные, а они по приказу.

— Среди укрупов идейных хватает, — опроверг Батон. — Под Волновахой одного взяли, плачет, сопли утирает, а все долдонит: «Я прав»...

Длинный в косынке (Илья забыл его позывной) раскачивался на джинсовой ноге и пел в телефон:

— Мамуль, я дома. Где-где? В Ялте! Это я симку сменил, старый сломался, мамуль! На днях заеду! А? Мамуль, ты их не таскай! Приеду, вместе на рынок ходим! А? Чего ты, мамуль?

— Эй, упадешь! — окликнул его осетин, мохнатый шар (позывной Гром), напряженно занявший место возле станка с гранатометом.

Тот приложил острый палец к губам и так же на одной ноге сделал несколько скачков от края.

— Мать в Мисхоре, — объяснил жалобно, — думает, троллейбус вожу. А может, и не верит. Мамку никогда не обманешь.

— Извини, — вспомнил Илья важное, — дашь позвонить? Я коротко!

Полина подошла с первого гудка.

— Привет, — сказал он, и неожиданно для себя выдавил: — Я на Д.

Почему-то так произнеслось.

— Где?

— На Д., — сказал он тверже, и замолчал. — Мне нельзя здесь много разговаривать.

— Что ты молчишь?

— Смотри про нас в новостях, — и разъединился.

Подошвы скрипели гравием, обильно покрывавшим крышу. Голову пекло, по лицу струился пот, следовавший дальше, по шее, по ключицам. Дебильное солнце! Если разуться, наверняка этот гравий будет жечь, как угольки.

— Твоя! — длинный протянул трубку.

— Сбрось, — Илья замахал руками, — не подходи...

— Минометы, снайперки, ПЗРК... — Батон изучал вражескую сторону, приложив к глазам здоровенный, как две сложенные гирьки, бинокль. — Ниче, мы повыше ихнего сидим!

— А выше нас никого? — надтреснуто спросил человек в защитной гимнастерке (позывной Кобра, а Илья дал бы Вобла), заветренный видок доходяги и свежая георгиевская лента бантом на рукаве.

— Сверху только Бог, — отмерил Батон рассудительным тоном бармена.

— Это понятно... Я ж не про то... — Кобра засмутился. — А сверху-то нас не того?.. Сверху-то, а?..

— Разве ворона прилетит... Так если пометит — это к славе!

— Батон мягко пошел к нему, переложив автомат из правой в левую, принаравливаясь хлопнуть по плечу. — Аэропорт новенький. Столько бабок вбухали... Кому надо такое добро ломать?

— Внимание! Друзья! А мы ведь толком не познакомились! Предлагаю на этом вынужденном пляжу... пляже... — Длинный, сияя, обводил всех острым пальцем. — Вот ты! Откуда?

— С Макеевки, — буркнул Кобра, но вскинул глаза: лицо на миг оживилось, пополнило.

— Кем работаешь?

— Сталеваром.

Батон опять приложился к биноклю, направляя его куда-то вверх, в безоблачную температурную синь.

— Что же привело вас на наш холостяцкий пляж? — Длинный играл своим указательным в микрофон.

— Как шо? — Кобра вновь проглотил щеки. — Затрахаля. Всю жизнь мозги трахают вместе с языком. Хоть дети отдохнут.

— Слыхал анекдот? — неизвестно кого спросил осетин. — Встретились в пустыне лев, козел, лис и спорят: кто главнее. Нет, погоди, не козел, перепутал. Лев, лис... И кто? Погоди!

— А что здесь забыл москвич? — Неугомонный палец целил в Илью.

— Он не москвич, он Любой, — зевотно сообщил седовласый мужик в тельнике, все сидевший на корточках.

— Точно! Любой! — Палец дрыгнулся. — Прикольное погоняло!

— Да, я любой, — сказал Илья раздельно. — На моем месте мог быть любой... Любой русский человек...

Длинный выхватил телефон из кармана:

— Алло! Мамуля, не звони, я за рулем! Осторожно, двери закрываются! Я сам перезвоню!

А Батон как выпал из трепа, так и молчал, не отрываясь от бинокля и вода им по небу, словно в поисках малейшего облачка.

И вот что-то серое показалось в синеве.

— О! — возликовал осетин. — Слушай сюда! Лев, осел и лис! Осел такой...

Вертолет наполнил небо рокотом. За вертолетом шел серебристый штурмовик. Зарычали, забранились, и сразу стало не до слов.

Вспышка. Подкинуло, оглушило, повалило, осыпало острым гравием, все заволокло черным дымом, рокотало небо, новая вспышка, таранный удар потряс основания башни...

Он ринулся в люк и покатился вниз за остальными. Там все горело, и орало, и дергались тела... И кто-то палил зачем-то в остатки стекла, которые осыпались, и выбегал, и падал, потому что лупили отовсюду — и снайперы, и минометчики, а самолет, и вертолет, и еще один вертолет заходили на новые круги...

Он никого не узнавал и плохо понимал:

— Пушкой...

— Нурсами...

— Летит, летит, летит обратно!

— Десант сажают... ПЗРК сюда!

— Нету... Не взяли!

— Миномет давай!..

— Нет взрывателей...

— Любой! Ты чего не отвечаешь? — Батон, безумный, в кроваво-дымящейся одежде, с опаленной бородой, таращился на него. — Марш на крышу! Раненых забирать! Любой! Я тебя прикончу!

— Что? — очнулся Илья.

— Ты что? Как тебя зовут? Любой!

— Я — свой! Свой я!

— Ты — Любой!

Но до крыши им не дал добраться новый удар...

Потом, доползая по осколкам в конец зала, он помогал чеченцам крушить стойки, отчаянно и стремительно, не зная для чего, потом запалили костер («Маскировка дымом!» — закричал кто-то, и это объяснение надеждой застучало в висках). Обжигаясь, тащили горящие куски пластика к проемам и кидали наружу. Потом бежали к грузовику.

Его ударило в ногу, выше колена, он упал, и стало смеркаться, и было спокойно, только услышал как бы сквозь нараставшую воду:

— Режь штанину.

— Не до этого... Тащи.

— В яйца метил.

Очнулся, трясло. Рядом с забинтованной головой лежал щекастый повар, розовый пузырь качался на губах. Глянул мутным глазом, подмигнул. Теснота от тел.

Илья не знал, что несется в грузовике, доверху груженном ранеными, а через минуту накроют огнем.

И тогда он окончательно забудет, как его зовут.

Иван Попов

г. Москва

Турист

Лето на прииске проходит быстро. Во-первых, оно само по себе на Чукотке не длинное, а во-вторых – работы много. Смены увеличены по времени, часть людей в отпусках. И если бригады на промывочных установках усилены сезонниками, то машинистам бульдозеров приходится туго. В некоторых экипажах осталось по два человека, и пашут они по двенадцать часов, сменяя друг друга, неделями без выходных и праздников... Да и нам, электрикам, рук не хватает – все, что не сделаем сейчас, придется делать в мороз, в пургу и в темноте. Около двухсот километров воздушных линий электропередач и три десятка подстанций требуют профилактики, да и обычную текучку никто не отменял. Три котельные, резервная ДЭС, осветительное хозяйство – все это зимой должно не просто работать, а обеспечивать наше существование, поэтому как попало делать дело у нас не принято – дороже выйдет и себе, и всем. В конце концов, нам за это платят. Ну да ладно. Сезон потихоньку завершается. План почти выполнен, шум промприборов становится тише – некоторые уже остановлены, поскольку полигоны выработаны полностью. Возвращаются загорелые отпускники – детям пора в школу. Еще немного – и трудовой накал спадет. Появится время прогуляться по вечернему поселку в нормальной одежде, и мы на какое-то время перестанем узнавать друг друга без робы. Это

неудивительно – мы почти четыре месяца были либо на работе, либо на работу шли, либо с нее возвращались.

Вот и сентябрь. Изумительно пахнет тундра каких-то совершенно фантастических, при этом по-акварельному неброских цветов. Полярный день кончился, и ночи уже стали ночами. Первые заморозки сделали спокойными и чистыми все ручьи и ручейки. На осветительной мачте возле управления прииска уже включают лампу, но, пока не ляжет снег, мне она только мешает – слепит. И под ногами ничего не видно. А главное – не дает увидеть звезды... Ну, ничего – скоро я смогу рассмотреть их без помех. Как-то совершенно не волнуюсь по поводу погоды – сколько себя помню, в это время всегда сухо и ясно. Впрочем, как и третьего февраля, когда после полярной ночи солнце освещает поселок в первый раз, вынырнув из-за сопки минут на сорок... Но до этого еще далеко, а вот на днях откроется охота. Ружье у меня есть – отец подарил. Однако, охотником я никогда не был... Конечно, чего-нибудь подстрелить и соорудить в тундре шурпу – это святое. И даже домой какую-то добычу принести – тоже хорошо. Но если этого не получится – не расстроюсь. Мне надо другое. И ружье – это, скорее, повод сходить в тундру. Дань традиции и, наверное, элемент безопасности – все-таки разные зверушки тут водятся... Я – турист. Мне надо доехать, дойти, расположиться и организовать чай в намеченной точке. Это – программа-минимум, чтобы считать мероприятие успешным.

И вот под колесами верного ИЖа бежит дорога, к которой еще со времен строительства прилипло название БАМ. Двадцать два километра до основной трассы и еще немного по ней в сторону Певека. Пара спусков и подъемов, и можно сворачивать. Я еду без дороги в сторону долины, пока спуск не становится слишком крутым. Вот и ложбинка, где мотоцикл можно оставить, и он будет дожидаться меня, невидимый с дороги. Дальше я пешком. До реки Млюлевеем, к которой я собрался, по прямой километров пять, но на этой прямой тундра сырая и кочковатая – идти трудно и присесть негде – нога по щико-

лотку погружается в мох, выжимая из него воду. Поэтому беру левее – пойду по пологой дуге, по березнячку, который пружинит, но уверенно держит меня на поверхности. В бинокль нахожу длинное узкое озерцо недалеко от реки и белое пятнышко рядом с ним. Хорошее место. Оно чуть выше окружающего пространства и поэтому сухое. Там я поставлю палатку. А белая точка – это будка Максимыча. Небольшая такая кибитка на полозьях длиной в рост человека и чуть больше метра высотой. Миниатюрная печка и лежанка. Можно сидеть или лежать. Максимыч ее зимой на «Буране» сюда притащил.

Иван Максимыч – наш тренер по борьбе. Сколько его знаю – у него два состояния: он либо в тундре, либо в спортзале. Ну, летом в тундре хорошо... Но он и зимой, когда относительно светло всего пару часов в сутки, может свалить за сотню километров на неделю и больше. Отчаянный мужик.

Начинаю спускаться. Рюкзак на спине, ружье на шее, патронташ на поясе. В крайних правых ячейках несколько патронов с увесистыми пулями. На всякий случай. Каменистый склон становится все круче, и, наконец, падает в ковер карликовых березок, среди которых торчат невысокие кочки, увешанные брусникой. Этого я пропустить не могу и полчаса пасусь на этом месте. Странно, голубика есть всегда и везде, а брусника – каждый год по-разному. Всё. Пошел дальше. И через пару сотен метров попадаю в царство сыроежек. Крепкие, с розовыми шляпками грибы растут так часто, что приходится их обходить или переступить. Жалко топтать такую красоту. Сбирать я их не буду даже на обратном пути. Сыроежки – создания нежные и хрупкие – в сыром виде довести их до дому нереально – только отваривать на месте. Кстати, Максимыч так и делает. В общем, иду дальше. Через какое-то время, когда в перепадах рельефа, издалека кажущегося ровным, как стол, снова вижу белую коробку, понимаю, что стоит она как-то странно, завалившись набок. Еще немного – и все становится понятно. Медведь прошел недавно. Скидываю на землю рюкзак. На всякий случай, перезаряжаю ружье и в би-

нокль осматриваю окрестности. Судя по следам, косолапый, разгромив будку, отправился в сторону реки. И что ему тут не понравилось? Небольшую полянку устилают выбитые доски, котелки, кружки, ложки, консервные банки и прочая нужная мелочь. На ближайших кустах аккуратно расстелено ватное одеяло. Перед будкой не менее аккуратно лежат рассыпанные веером сигареты рядом с пустой пачкой. Сама будка стоит, завалившись на открытую дверцу. Ладно – домой приеду – пойду к Масимычу. Гаражи у нас рядом...

А пока надо навести небольшой порядок и заняться своими делами. Первым делом – чай. Спина еще мокрая после пробежки с рюкзаком, поэтому куртку снимать не рискую – легкий ветерок, который так приятно освежает, может сыграть злую шутку, и лечиться придется долго. Сегодня уже неделя, как открылась охота, и отец был здесь в прошлое воскресенье. Кое-что не стал уносить, и котелок тоже оставил здесь – он среди разбросанных медведем вещей валялся...Примус уже раскочегарился и горит ровным, синим пламенем. Беру котелок и только сейчас замечаю, что этот мохнатый дебошир пытался его прокусить. Не удалось, видимо. И это хорошо, а то пришлось бы в кружке чай варить, благо, она у меня большая...Вода в озерце пахнет морошкой и багульником – чай в ней заваривается бесподобный и совершенно самодостаточный. К нему не нужны никакие печеньки, бутерброды и прочие закуски. Несколько кусочков твердого сахара вприкуску и все. Пока закипает вода, ставлю палатку. Вокруг кипит жизнь. Только сейчас начинаю вслушиваться – громче всех слышно курлыканье журавлей – нескольких птиц я видел по пути сюда. Пищат кулики. Неожиданно на озеро плюхается стайка чирков – маленьких таких уток. Заметив меня, они ныряют и появляются метров на десять дальше... Стрелять не хочу и продолжаю заниматься своими делами. Со стороны реки доносится гусиный гогот. Я не вижу гусей. Видимо, тянут прямо над водой в сторону моря. За рекой начинается заказник с чисто чукотским названием «Тюэкуль». Там, куда

летят гуси, находятся озера, которые так и зовутся – Гусиные. Собственно, сюда и ездят охотиться на гуся. Засядут в кустах на берегу реки и ждут тяги.

А во мне охотничьего азарта нет. Совсем. Мне чай важнее. Кстати, вода уже закипела. Заварку сыплю сразу в котелок. Теперь можно снять куртку. Устраиваюсь на входе в палатку – спина внутри. Уже не продует. Релакс полный. Чирки плещутся совсем недалеко, по-прежнему шумят журавли. Как-то очень органично в этот фон вплетается далекое ровное гудение мотора. – Наливник или длинномер, – думаю я. Там подъем крутой. Звук становится громче. Беру бинокль – действительно наливник. Вот он выползает наверх, какое-то время еще натужно жужжит...перегазовка...и уже гораздо тише машина начинает разгоняться, отращивая за собой пыльный хвост.

В поле зрения бинокля попадает красная точка – это мой мотоцикл. Ждет. Ничего, я недолго. Ночевать не планирую, так что до темноты надо будет выйти отсюда. А пока пью чай и наслаждаюсь полным покоем. На данный момент для меня не существует ни забот, ни проблем. Мне не нужна компания. Я знаю людей, которые бы сильно тревожились в такой обстановке – им неуютно в одиночестве среди этих просторов. А мне хорошо. Чувствую, что еще немного, и я просто начну дремать. Пора подниматься. Ружье за спину, бинокль на шею – пойду, поброжу вокруг. Вообще-то хочу куропатку – они тут тоже есть. Правда, охота на них еще закрыта, но, если попадутся – не промахнусь. Да простит меня охотнадзор – мне максимум две штуки нужно. Супчик из них уж больно вкусный. Чирки по-прежнему деловито ныряют совсем недалеко, будто понимают, что мне до них дела нет. Пусть живут...

Иду к реке. В паре километров ниже по течению вижу темную точку. Смотрю в бинокль. Всего лишь бочка. Обычная железная бочка. Такие могут вам попасться в самых неожиданных местах по всей Чукотке, да и вообще по всему Северу. Река сейчас неглубокая – отвернув сапоги, ее можно перейти-

ти по любому перекаату. Незачем. Недалеко вижу журавлей. Ходят, пасутся. Одна из птиц вдруг расправляет крылья, несколько раз взмахивает ими, но не взлетает. Видимо, разминка. Сворачиваю в сторону и, пробираясь через невысокие кусты, спугиваю нескольких куропаток. Летать они не любят и снова ныряют в кусты метров через триста. Иду туда. Ружье наготове, дробь – пятерка. И когда куропатки снова взлетают – стреляю. Есть! Сразу две. Одна из птиц падает совсем рядом – подбираю ее. Вторая упала в кусты чуть дальше. Иду туда и...не нахожу. Неужели подранил только? Тогда я ее никогда не найду. Топчусь на пяточке в несколько шагов, пока просто не натыкаюсь на свою добычу. Пестрые распластанные на ветках кустарника крылья сливаются с такого же цвета листьями. Да я сюда раз сто смотрел...

Ну ладно. Гоняться за остальными нет никакого желания. Хочу чаю. Потихоньку топаю в сторону палатки и замечаю, что вокруг что-то изменилось. Журавли курлыкают не только со всех сторон, но и сверху. В небе десятка два птиц. Они летают по кругу, и, кажется, поднимаются все выше. Неужели это мои выстрелы их подняли? Оказывается, я почти пять часов прогулял. Вроде бы и не уходил далеко... Чувствую, что одним чаем не обойтись и, пока закипает в котелке вода, уписываю банку тушенки. А журавлей в небе все больше. Замечаю еще несколько пар, летящих с разных концов долины. Их многоголосый хор становится все громче и настойчивей. Другие звуки уже просто потерялись на этом фоне. Не понимаю, что происходит... А стая все выше, и все шире круги, которые она пишет под уже явно склоняющимся к горизонту солнцем. Курлыкание раздалось совсем рядом – те журавли, которых я видел недалеко, тоже поднялись в воздух и потянули к своему пернатому коллективу. А тот уже начал смещаться в сторону Гусиных озер. И в нем стал появляться какой-то порядок... Я заворуженно смотрю, как в небе выстраивается всем знакомый клин.

- Да они же улетают! – наконец-то доходит до меня.

Клин делает очередной широкий круг. Он еще не совсем сложился, к нему еще спешат припозднившиеся крылатые путешественники, но это уже явное прощание. Я даже не сразу замечаю, что клин уже не летит по кругу. Становится тише журавлиная песня. Солнце уже довольно низко, но светит мне в спину и не мешает смотреть вслед удаляющимся птицам. Их еще долго видно. А когда я, наконец, отворачиваюсь, на меня обрушивается абсолютная тишина. Не слышно ни куликов, ни уток... ничего. Дневной ветерок стих, и озеро, на котором совсем недавно деловито плескались чирки, стало похоже на зеркало. И небо в нем было таким же, как и надо мной. Мир замер. Я тоже. Даже дыхание затаил, чтобы не спугнуть это удивительное мгновение прощания с летом.

Далеко-далеко появился звук. Он становился все более явным, усиливался, и очередная тяжело груженная машина вернула мир к жизни. По озеру пробежала рябь, колыхнулись полы палатки. Время снова пошло. Пора собираться. Полчаса на чай и сборы. Часа полтора ходу до мотоцикла, а там - уже, считай, дома... Когда, снова со взмокшей спиной, выбираюсь наверх, солнце уже готово спрятаться за невысокую гряду сопки. Рядом с мотоциклом много голубики. Пью с ней чай из термоса и смотрю на долину. Там быстро темнеет, и только лента реки блестит, отражая еще светлое небо. Замечаю слева какую-то точку. Смотрю в бинокль. Это лебедь. Одинокий лебедь, подсвеченный лучами уже невидимого мной солнца, летит туда же, куда улетели журавли. Я быстро теряю его из виду. Все. Пора. Когда я сверну на БАМ, уже будет совсем темно. Там я остановлюсь и обязательно посмотрю на звезды. Там лампа не мешает....

А к Максимычу зайду завтра. Кстати, его котелок тоже валялся возле разгромленной будки. Прокусил его косолапый. А на моем только следы зубов оставил. Этот котелок у меня до сих пор целый - пригодится еще. А вот ружья уже давно нет... Я ведь не охотник. Турист я.

Евгений Белозёров

г. Москва

Родился 2 марта 1960 г. в Калининграде, в семье военнослужащего. После окончания техникума служил на Тихоокеанском флоте. Учился в МИСИ и РАТИ (ГИТИС). Член Высшего творческого совета Московской городской организации Союза писателей РФ.

В театре

С какого возраста, спрошу я Вас, можно ходить в театр? Что за вопрос, ответит уважаемый читатель, хоть с ясельного. Да, да, ни в какой другой стране нет такого числа театров, и именно для школьного и дошкольного возраста. Да, и я так думал до недавнего времени, а теперь вот засомневался...

Как-то раз, зимним погожим днем, собрались мы с женой в театр. Ну, это же почти событие! Праздник, если хотите! Оделись, как положено. Я надел свой свадебный костюм, и жена надела что-то из «выходного». Побрились, надушились и, счастливые, отправились в Храм Искусства.

Даже сутолока, которая охватила нас в метро, не рассеяла нашего праздничного настроения. Как только мы попали в фойе театра, так и оцепенели: света – море, белый мрамор блестит – глаза режет, полы гладкие, полированные, люди ходят нарядные и, словно в ожидании чуда, радостные. Наше оцепенение прервал звонкий колокольчик, возвещавший о начале представления. Разделись и сразу влились в общий людской поток. Я достал из кармана, как полагается, программку и стал изучать список действующих лиц и исполнителей. А когда заняли свои места и в зале было ещё светло, долго разглядывал тех счастливых, кто подобно нам, стал участником сегодняшнего сказочного вечера. Откуда-то сверху донеслось: «Сегодня играет Ляжкин вместо Брыдалова. А это, поверьте мне, не то! Ляжкин на прошлом спектакле вовсе раскололся». «Посмо-

трим, посмотрим», – не унимался чей-то женский голос. Я позавидовал незнакомцу. Ведь, судя по разговору, он часто здесь бывал. Ну, а отсутствие некоего никем не расколотого Брыдалова меня несколько не огорчило. Наконец погас свет, и все стихло. Все взоры были направлены сейчас на единственно освещенное место – сцену...

В антракте, по традиции, что ли, почти все присутствующие направились в буфет. Я не хотел ни пить, ни есть, а жена попросила стакан «фанты».

Встали в очередь. Подхожу к буфетчице, говорю:

– Пожалуйста, стакан «фанты», – и протягиваю рубль.

Буфетчица, взяв спокойно деньги, наливает мне фужер шампанского. Вот тут-то и началось.

– Я, – говорю, – просил стакан «фанты»!

– А у меня сдачи нет, – так же спокойно отвечает буфетчица, а сама на жену косится, пристыдить меня хочет: мол, что это у тебя за кавалер... А жене, скажу я вам, и самой известно, что до получки десятка осталась. Я огляделся и обрадовался. Оказывается, это был не единственный буфет в театре. Взяв у ухмыляющейся продавщицы деньги, я занял очередь в другом месте. Впрочем, там сдачи тоже не оказалось, но на сей раз мне дали «фанту» и кулек шоколадных конфет. От конфет я, конечно, отказался, и пришлось занимать очередь в следующем буфете, где «фанты» совсем не оказалось. Когда я подошел к четвертой буфетчице и услышал все то же: «Сдачи нет», я, как можно спокойнее, попросил жалобную книгу.

Что же тут произошло! Первая буфетчица закричала на весь зал: «Молодой человек, идите сюда, я Вас обслужу!»; вторая, в свою очередь, запричитала: «Что же Вы ко мне не подошли, а сразу за книгу хватаетесь...». И пошло, и поехало. А кто-то сзади, из публики, упрекнул: «Нехорошо, молодой человек, она же вам в матери годится!».

Чем закончился спектакль, я, конечно же, не помню. Возвращались из театра молча. Мне было стыдно перед женой, я чувствовал себя побитым мальчишкой.

С тех пор и возник у меня вопрос: так с какого же возраста можно посещать театр?

А твой ответ, читатель, меня не убедил.

1984 г.

Санька

Сашеньке

Он зашёл в дом и увидел Сашу. Она стояла в коридоре. В руках у неё был ночной горшок, и она протягивала ему его, как бы говоря: посмотри, что у меня есть.

Глаза мужчины помутнели, и он не знал, что ему делать. А она продолжала стоять молча, хлопая своими не по-детски умными глазёнками, и глядела на него так, будто перед ней стояло то, чего она ожидала каждый день. «Ты папа?», спрашивали её глаза, и в них была растерянность и слабая надежда. Она боялась ошибиться.

Он присел, посмотрел ей в лицо и, первый раз в жизни, обнял это пахнущее детством маленькое и доверчивое существо.

В проёме двери показалась её мать — бывшая жена пришедшего. На усталом, осунувшемся лице, как призрак, как неясная тень, блуждала осторожная, какая-то виноватая улыбка.

Мужчина молча поднялся.

Обычно он старался не встречаться взглядом с женщиной, чтобы не давать повода для диалога. Но сегодня что-то дрогнуло в нём, сжалось от жалости к ребёнку. Почему-то именно сегодня он острее обычного ощутил своё одиночество и одиночество бывшей супруги, отчётливо проступавшее на её бледном лице в какой-то вымученной улыбке. Глаза светлые, огромные и добрые, казалось, в любую минуту готовы были залиться слезами.

Он не любил этого, точнее - никогда не желал служить их причиной.

В такой ситуации он просто спешил оставить её дом и, уже на ходу, до него долетали слова: может, останешься, пообедаешь?

Он давно заметил, что если женщина хочет проявить заботу о мужчине, первое её желание — накормить его.

Вот и сейчас.

— Хочешь пообедать с детьми? Я уйду с кухни, — поспешила добавить она.

Сегодня мужчина изменил своему правилу. Много незначительных, на первый взгляд, событий не позволили ему быть жестоким: ребёнок в коридоре, добрые, покорные глаза женщины, запах прибранного дома, уюта и острое чувство собственного одиночества — всё это заставило его остаться.

Быстро накрывался стол. Вкусно, по-домашнему, пахло супом. Все расселись, зазвенели ложки, и каждый ощутил, что в углу этой небольшой кухоньки, пусть на время, поселилось тихое счастье.

Шли годы. Саша росла, и он привыкал к ней: играл с нею дома, с удовольствием ходил на прогулки. Его поражала её недетская рассудительность. Видимо, проведя первые годы своей жизни только с матерью, девочка о многом думала, чего-то не понимала и сама пыталась найти ответы на мучившие её вопросы.

— Санька, привет! — говорил он, приезжая в гости, но проносил её имя с нежностью, во всяком случае — в душе.

— Мама, почему папа называет меня Санькой?

Может, ей казалось, что в этом обращении таилась нелюбовь, что-то непонятное и обижающее. Но присутствовало здесь и девичье кокетство, потому что они продолжали дружить, а может, уже и любить друг друга.

На улице им не бывало скучно. Как всякому ребёнку, ей требовалось внимание. А ему — естественная забота и защита маленького и пока незащитного существа.

Гуляя, они заходили обязательно в магазин. Она с интересом и скромностью рассматривала разложенные на витрине сласти, пока он покупал себе пиво.

— Ну что, выбрала? — спрашивал он её.

— Вот это, — и палец её скользил по стеклу витрины в сторону недорогих сухариков.

В эти минуты ему хотелось купить для неё всё, что было в этом магазине.

Потом, выйдя на улицу, они, отойдя чуть в сторону от магазина, долго и не спеша делали каждый своё дело — он потя-

гивал пиво, а она с удовольствием грызла свои сухари, каждый раз, что было ему особенно приятно, приглашая его разделить свою трапезу.

Маме приносили шоколадку.

...У него были проблемы. Проблемы, о которых он никому не говорил, но о которых не забывал ни на минуту. Только, разве, гуляя с Санькой.

Дело, которым он занимался вот уже десять лет и которое всё это время приносило доход, безнадежно рушилось.

Он всё чаще вспоминал старый американский фильм, виденный однажды в детстве по телевизору и который произвёл на него, ребёнка, неизгладимое впечатление.

Весь фильм он, конечно же, не помнил, но эпизод, когда мужчина, оставшись без работы, не мог решиться прийти домой и рассказать об этом своей жене, он запомнил навсегда.

Ведь он жил в стране, где каждый имел право на труд, и ему казался каким-то диким «их» образ жизни.

Теперь он сам находился в том же положении, хотя денег на пиво и шоколад ещё хватало...

Он долго не знал, что делать, и однажды утром, умывшись и не позавтракав, вышел на улицу и не вернулся.

И больше всех ему было жаль Саньку.

18.08.06 г.

Владимир Калущкий

г. Бирюч

Член Союза писателей России

Светлый дым

1017 год, августа 30, в день Ярилин.

... и вывалили на середину майдана первый воз с деревянными книгами.

За первым возом опорожнили второй, потом еще, и ещё, и еще. Грожане стояли опоричь, согнанные на казнь глаголицы со всего Киева. Стояли отцы семейств, с бритыми подбородками, в кожаных штанах и холщовых писаных рубахах. Мялись тут и мужики помоложе. Эти уже с бородами, как праотец Адам. Тут же мальчики – плотные, с крупными пятками, с леденцами на длинных палочках.

По кольцу майдана – княжеские гридни, конные и пешие. Берегут края человеческого моря. С новой колокольни Десятинной церкви изредка и невтопад срываються случайные звоны. То пономари пробуют на звук главный голос.

День воскресный. У славян праздный. С тех ещё далёких времен, когда Ярило кресалом высек на трут искру и стало это главным праздником племён поклонников солнечного бога. Ибо самое слово – воскресенье – есть всё равно, что движение накрест, выкресание, высекание кресалом.

А когда двадцать девять лет назад привёз князь Владимир греческих попов и митрополита, то объяснили людям, что воскресенье – совсем не то, что они празднуют. А значит это по-гречески – снятие Христа с креста, что случилось ровно в воскресенье.

Ладно. Люди согласились. Против гридней не попрёшь. И когда нынче волей нового князя Святополка кинули клич и

велели выйти животами и детьми к кострищу – все вышли.

И напрасно в разноголосой толпе горожан стану я искать героя своему рассказу. Его нет.

Ни сам Святополк Ярополкович, с побитой сединой бородой и густым волосом, в соболях и шитой золотом перевязи, ни сумеречный грек Иоанн, митрополит Киевский, ни сонмище попов, ни слова не разумеющих по-русски...

...моим главным героем будет глаголица. Это её буквы резаны на воощеных дощках, сшиты в книжки. Это их, книги, собранные со всей Киевской Руси, извлеченные из сумеречных пещер волхвов и землянок отшельников, отнятые князьим именем у хранителей капищ и в жилищах обывателей свезли нынче в указанное место.

Нынче – день казни Ярилы и его грамоты. День замены славянской глаголицы на греческую кириллицу.

...Нет, самого Ярилу, идолов его уж четверть века, как изгнали из Киева и русского обихода. Но пока ходили по рукам письма, резанные глаголицей, пока пели слепцы былины, читая чуткими пальцами по рифлёному воску, не было покоя Великому князю и грекам.

И вот опрокинули в кучу последний воз. Гора из книг поднялась в три человеческих роста.

И вышел княжеский палач в островерхом красном балахоне от головы до пят. Рыжая борода его, как пламя, и хмелен палач. В руке у него на длинном шесте – грубый клубок пакли. «Слышь-ка, - шепнул горожанин с оловянной серьгой в ухе соседу, - пакля, чай, на человечесьем жиру...»

«Т-с-с», - прошипели ему в ответ. А к палачу у вороха книг уже подошёл лохматый поп. Весь в черном, а борода медного волоса, как у шулеки.

Замер майдан.

И долго черкал поп кресалом на паклю палача. Но вот вспыхнуло, ухнуло, загудело пламя. И палач сунул молодой огонь с одного краю книжной горы. Потом отбежал, и опять приступил. Вспыхнуло рядом. А палач уж и округ забежал.

Зашлось весело, а тут еще и пономарь на Десятинной нашел лад. Заколотился голос на колокольне, раскатисто покатился над крышами до самых окраин, разбудил себе в подспо-

рье сначала подголоски, а потом уже и малые голоса. Дрогнул воздух и все киевские церкви ожили, ответили Десятинной. И со строящейся Софии брызнул дробный звон, как будто торопилась она не отстать от случая...

Горели книги. Плавился воск, стекал с досчек в огонь, убегал под пламя, ручьями растекался от кострища. А к небу уходил светлый дым. Горели неведомые нам Сказания и былины, бывальщины, повести, жития славянских богов и героев, книги на смекалку и счет, крюковые песенники, горела, отлетала тысячелетняя народная душа. Вместе со светлым дымом навсегда уходили в небо, к своим языческим богам, имена сочинителей и певцов, сказителей и боянов. Русь навсегда теряла самобытность, уровень которой мы еще можем представить по сохранившемуся в Северной земле «Слову о полку Игореве»...

А на Киевском пепелище горожане залили огонь. Как и велел Святополк – обычным мужским способом. Потому что на этом собрании не было уже ни стыда, ни жёнок. Ведь новый Бог на Руси поставил жену ниже, «да убоится она мужа своего». Попы сказали, что курица – не птица, баба – не человек.

Надежда Лан

г. Старый Оскол

Легенда об одиноком дереве

На самом краю обрывающейся земли рос дуб. За ним - зияла пропасть. Внизу с шумом и шипением ударялась вода о выступающие на поверхность валуны. Речка имела непокорный, дурной нрав. Летом она несла камни в своих водах и куски натающего льда. Сверху тёмные водовороты походили на толстых водяных змей, скрутившихся в смертельной схватке. Зимой течение реки замедлялось, а в узких местах брызги воды при сильных морозах образовывали ледяной грот.

На открытой местности, где не было ни одного дерева или даже кустика, обычный дуб толщиной в три обхвата выглядел гигантом. Небо, голубое летом, а в зимнюю стужу бледное и бездонное, со звёздами или без них, простиралось над этим деревом. Разветвлённые корни были обнажены и висели над бурлящей водой, как исполинские руки. С северной стороны он оброс густым мхом. В стволе имелись две расщелины: дважды в него попадала молния. Обгоревшие сучья торчали в небо, лишь на немногих весной появлялись зелёные листья.

И если бы художнику захотелось изобразить красоту этого края, он бы обязательно представил взгляду маленькую горстку игрушечных башенок, прижатых друг к другу. Так горы теснили дома людей. Несмотря на неудобства, люди не селились поблизости одинокого дерева.

Этот народ был по-своему красив: мужчины широкоплечи и стройны, женщины же обладали тонкой талией – лёгкие в походке и грациозные в движениях. У всех без исключения

были светло-серые волосы. Напоминали они оперение орла, а глубокие синие глаза - цвет горных вершин. Небольшие крючковатые носы были изящной формы.

Каждое утро семьи поднимались на крыши башен, чтобы поприветствовать ветер. Лучи восходящего молодого солнца отражались в разноцветье камней, своевольно разбросанных природой - радужным светом играли в такие минуты горы. Суровая природа связывала людей прочными узами доверия и взаимопомощи: в одиночку здесь не удавалось выжить ещё никому. Происходили и несчастья: от камнепада или лап дикого зверя погибал мужчина - хозяин дома, и не было старшего сына, чтобы занять его место, - тогда другая семья объединялась с родственниками погибшего. Мирный народ этой страны не знал хитрости и обмана, им не были известны зависть и жадность.

Каждый клочок каменистой земли старательно возделывался руками людей. Основой жизни являлся хлеб. В отсутствие дождей горцы научились пользоваться тающими снегами: они сделали отводы-рукава к своим полям, установили мельницу. За лето солнце не успевало прогреть земную твердь. Тепла едва хватало, чтобы налились зерном колосья. Но во множестве серебрились эдельвейсы шелковистыми головками, украшая строгий, величественный пейзаж. Бывало, что летние грозы бесчинствовали в этом крае. Нередко их сопровождал холодный ветер и колючий снег. Тогда жарко горели в каменных домах-башнях печи, а на высокие подоконники ставились лампы, чтобы горящие фитили были видны издали сбившемуся с дороги путнику, врасплох захваченному непогодой.

Ненароком человеческий взор обращался к одинокому дереву у обрыва, о котором ходила самая разноречивая молва. И не одно поколение людей сложило по этим слухам не одну историю. Чаще всего пересказывались они в ненастные дни.

***

В ту далёкую ночь обезумевшая стихия ревела, как раненый дикий зверь. Когда загоралась молния, в округе становилось ясно, как днём. Но хвост горящей небесной змеи врезался

в землю или терялся в горах, и беспроглядность ночи ослепляла темнотой так же, как и свет. Только робкое мерцание зажжённых ламп, выставленных добрыми людьми, указывали ориентиры жилья. Дождь и ветер неумолимо стегали деревья, и дома, и мельницу со скрежещущим под тяжестью воды колесом, и одинокую фигуру человека, привалившегося спиной к двери постройки. И уже в полной темноте человек стал бить ногами в деревянные перекладки.

Первым обратил внимание на звук кот. Он спрыгнул с колен девушки и подбежал к двери. Царапнул лапами древесины и жалобно замыкал, призывая хозяйку на помощь.

– Отец, – окликнула она дремавшего у огня старика, – кто-то в беде и стучит в наши двери.

– Отопри же скорее, – пробормотал он сквозь сон.

Девушка взяла лампу и, удерживая её впереди себя, отодвинула засов. Под громыханье грома и блеск молнии в помещение ввалился незнакомец. Он пытался что-то сказать, но его речь оказалась незнакомой горцам. Мужчина откинул капюшон. Вода ручьями хлынула вниз. Но поля шляпы, низко опустившейся на глаза, не дали девушке рассмотреть лицо. Он еле держался на ногах. В молчании она принесла из чулана одежду отца и знаками объяснила гостю, что нужно переодеться. Мужчина выхватил из рук своей спасительницы одеяние и удалился в чулан. Оттуда, уже одетый в сухое, прошёл к камину. Девушка усадила его в кресло поближе к огню, подала горячее вино с травами от простуды. Он не ответил на её любезность: содержимое глиняной кружки выпил большими глотками и мгновенно уснул.

Пробудился незванный гость от лучей солнца. От неудобной позы ныли шея и рука. Было слышно, как отворилась наружная дверь. Повернув голову на звук, мужчина увидел: в дверях стояла высокая широкоплечая девушка. Серые, как перья, волосы оттеняли большие синие глаза. Изящный нос крючковой формы на узком и бледном лице с тонкими, вздрагивающими ноздрями. Она была одета в бирюзового цвета балахон, облегающий тонкую талию, с розовой накидкой на плечах, свободно ниспадавшей до земли. Хозяйка башни улыбнулась незнакомцу и прошла к очагу в центре жилища. Только те-

перь путешественник смог воспроизвести в памяти события прошедшей ночи. В соседнем кресле никого не было. Он обратил внимание, что свет падает сверху. Лучи солнца сплетались под крышей башни, образуя световой шар. Внутри жилища, равно как и снаружи, сияло солнце.

Синеглазая девушка ловко управлялась с горшками. Над ними поднимался ароматный запах. Юная хозяйка приложила руки к груди, гортанным голосом произнесла своё имя:

– Аарла.

Затем протянула руку в его сторону.

– Штепа, – догадался он о сути ритуала.

Аарла ловко сняла один из горшков с деревянного подвеса и перенесла на стол. Движением руки, похожим на взмах крыла, пригласила незнакомца к столу. Мужчина жадно набросился на еду. Опустошив горшок, Штепа с облегчением откинулся на спинку стула.

Синеглазая Аарла с любопытством разглядывала непрощенного гостя. Чёрными, как угли в очаге, были его длинные волосы, собранные в тугий узел и перевязанные лентой. Тёмные брови над тёмными глазами, обрамлёнными длинными ресницами. Прямой небольшой нос и широкие скулы отличали Штепу от её соплеменников. Он был одного роста с отцом – высокий – и одежда приходилась ему впору. Рельефные мускулы выступали из-под рубахи. Ей нравилась жизнеутверждающая красота молодого мужчины. Девушка не спускала с него глаз. Она принесла из чулана его чистую одежду и шляпу, повторила движение руками – прикоснулась к своей груди – и протянула мужчине вещи. Грациозно не слышно ступая, растворила створки входной двери и первой покинула комнату.

После грозы горный воздух был нестерпимо свеж. Холодный ветер заставил гостя поёжиться. Он проследовал за девушкой к каменной лестнице. Оба поднялись на вершину башни. У края крыши стоял человек, в котором Штепа узнал мужчину, сидевшего в кресле у камина ночью. Аарла встала рядом с отцом. Их серые волосы-перья разлетались от ветра, взгляды устремлялись в небо. Люди гор знали о своём происхождении, о своих прародителях-орлах, от которых унасле-

довали волосы-перья, широкие плечи и руки, напоминавшие крылья. Много веков прошло с тех пор.

Штепа жил в семье мельника. Он носил широкополую шляпу и плащ. Односельчане видели, как в тёплые дни пара не похожих друг на друга людей прогуливалась среди камней. Молодые люди поднимались на вершины. Лёгкая, изящная Аарла приводила его туда, чтобы показать высоту неба. Она останавливалась у края скалы, расправляла длинные руки, похожие на крылья, и играла с ветром. Девушка наслаждалась мгновениями. На высоте у неё рождались лучшие мысли и мечты.

Мужчины и женщины гор сами выбирали себе любимых. Никто в роду потомков орла не мог нарушить закон свободы этого выбора. Они создавали пары. Рождались дети с такими же синими глазами и крючковатыми носами. Им терпеливо и настойчиво передавалась мудрость предков, прививалась храбрость, раскрывались заветы великодушия, честности, взаимопомощи. Горцы доживали до трёхсот-четырёхсот лет. С возрастом они становились похожими на орлов. Окончательно превратившись в птицу, поднимались на самую высокую скалу – расправляли крылья и дожидались ветра. Он уносил птицу в бездонное небо...

Чужестранец охотно помогал на мельнице. Под его сильными руками тяжёлые жернова вращались быстрее. Мешки с мукой Штепа легко скидывал на свои плечи. Аарла смеялась, глядя на него, издавая звуки похожие на клёкот. К её удовольствию, Штепа повторял за нею отдельные слова. В такие минуты его тёмные глаза заполнялись светом.

Вскоре обнаружилось, что Штепу всё меньше и меньше интересует жизнь гордого народа. Он перестал появляться на мельнице. Старания Аарлы привлечь его внимание к себе оказывались напрасными. Штепа отказался взбираться с девушкой в горы. Он одиноко бродил среди скал, дни напролёт собирал разноцветные камни. Мрачная озабоченность его лица была непонятна ей.

В один из таких дней Аарлу навестил старейшина племени. С трудом он протиснул огромные крылья в двери дома. Зорко окинул взглядом девушку и обратился к ней со словами:

– Наши предки знали о жизни людей, живущих по ту сторону гор. Орлы взлетают выше облаков. Они видели, как эти люди воевали друг с другом. Улицы их городов заливала кровь. Превыше любви они ценили власть и богатство. Ибо люди эти, жадные и жестокие, желали иметь красивых женщин – чужих жён и невест, их дома, и сады, и скот.

Момент, когда любовь входит в сердце, – самая большая тайна, и жизнь пары не должна разделяться надвое. Две реки, сливаясь в одно русло, удваивают силу воды. Так и любовь. Два сердца соединяются, чтобы обрести большую силу для жизни. Наши предки хранили свою честь, потому что чистая совесть – это благородство души и доблесть. От любви и радости происходит душевный мир.

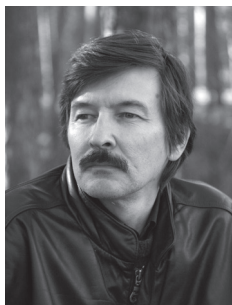
После этих слов старец направился к выходу.

Какой разговор состоялся у Аарлы с Штепой, никто не знает. Но только в эту ночь, как утверждают все рассказчики, разразилась очень сильная гроза. Молва утверждает, что девушка и чужестранец в это время находились на крыше башни, что он взял горянку на руки и попытался унести из родных мест, но клёкот её негодующего голоса не мог заглушить даже гром...

Когда рассеялись тучи, и горы засверкали под солнцем радужными переливами, люди обнаружили, что на краю обрыва стоит дерево, дымящееся от попавшей в него молнии. Аарла и Штепа исчезли бесследно.

Говорили, что Штепа находился в полном беспамятстве, когда принёс обессиленную девушку к пропасти и бросил её в бездну. В ту же минуту он превратился в дерево. Летящая молния ударила в него, но дождь не дал разгореться занявшемуся огню.

Ветром перемен принесло в этот край маленькую пичугу оранжевого оперенья. Она поселилась в кроне полуобгоревшего дуба. На зиму птица улетала в тёплые края. Но с приходом весны люди замечали её возвращение. Дуб зазеленел новыми листьями. И издали дерево казалось могучим и живым.

Виктор Рыбарь

г. Санкт-Петербург

Что есть жизнь?

Встретились однажды на берегу моря старик и юноша. И заговорили они каждый о своей жизни. Юноша стал жаловаться, что его жизнь безрадостна: он уже взрослый человек, но у него нет ничего из того, что он страстно желает иметь, чем хочет пользоваться. Старик же посетовал, что он хоть и богат, и всё у него есть, но он уж всем пресыщен, нездоров и утратил главное – молодость, а потому искренне завидует юноше.

Они заспорили: кто из них более обделен, кому из них горше. Не придя к единому мнению, решили обратиться к отшельнику – старому нищему мудрецу, жившему поблизости в лачуге.

Мудрец внимательно их выслушал и сказал так:

– Чем старый дурак отличается от дурака молодого? Только содержанием жалоб... Что есть человеческая жизнь? На неё, конечно, можно смотреть так, как вы на неё смотрите – как на источник удовольствий, как на званный пир. И тогда старику грех роптать: ведь он вдоволь погулял на празднике жизни, сполна вкусил его радостей и развлечений. В своих жалобах он смешон: подобен засидевшемуся гостю, который сетует на тяжесть в желудке и синдром похмелья. А вот юноша – он ещё только пришёл на этот пир, и неизвестно, попробует ли ещё всех его яств и прелестей, – жизнь наша хрупка, может оборваться в любой момент. Но и юноша зря ропщет: у него есть шансы, есть надежда, есть запас времени и сил. Поэтому его

жалобы подобны жалобам нетрептливого гостя, которому пока не поставили стул, и он просто не успел сесть за накрытый стол... У каждого человека в его жизни присутствуют как плюсы, так и минусы. Глупо сожалеть о своих трудностях, завидуя чужим преимуществам. А чтобы зря не горевать и не завидовать, не надо смотреть на жизнь как на пир. Жизнь – это путь. Праведный путь к большой заветной цели.

Путь и религия

Однажды в одно селение, где все жители были очень религиозны, забрёл скромный странник и временно поселился на окраине. Он прожил уже около месяца, но его ни разу никто не видел в храме. Как-то раз, когда он пришёл на базарную площадь, его обступили местные жители и принялись задавать вопросы.

– Веришь ли ты в бога?

– Верю.

– Почему же ты не ходишь в наш храм божий даже по праздникам? Или ты исповедуешь другую веру и держишь путь в какое-то святое место?

– Да, я держу путь, а верю я всегда и везде, – весь мир – творение бога и весь мир – божий храм, зачем же мне ходить в одно какое-то место, какое-то здание – творение рук человеческих? И зачем выделять особое время для посещения? Бог дал мне жизнь в этом мире, и для меня каждый день – праздник, независимо от того, что я делаю – работаю, созерцаю или сплю, – праздник всегда у меня в душе. Таков мой путь.

– Но где и когда ты молишься? Никто не видел, чтобы ты молился!

– Мне не надо молиться, зачем мне молиться?

– Как? Разве тебе не надо хотя бы что-то просить у бога? Разве ты всем доволен, всё у тебя есть, и у тебя нет никаких бед?

– У меня есть ровно то, что мне бог уже дал без всяких моих просьб. Бог беспредельно всеведущ и беспредельно мудр. Ему лучше знать, что у меня должно быть, а чего не должно. Если

у меня есть какие-то блага, значит, так угодно богу, а если нет – значит, так и должно быть по его же замыслу. Глупо думать, что я чего-то достоин из того, чего он сам решил мне не давать. Поэтому просить что-то у бога – это перечить своим ограниченным умом мудрости бога.

Тут вперед выступил местный священник:

– Ты слишком заумно говоришь. Если не хочешь ничего просить у бога – твоё дело. Но ведь в молитве ты должен воспевать бога, ты должен преклоняться перед ним!

– Это почему же?

– Как! – вскричал священник! – Как ты можешь так говорить! Ты, ничтожество! Бог – господь наш, а все мы рабы его! И ты тоже – раб божий!

– Не знаю, как вы, – ответил путешественник, – но я не чувствую себя рабом. Меня бог создал по своему образу и подобию. Он – это бесконечная мудрость, и потому мне он дал ум. Он – это бесконечная любовь, и потому мне он дал любовь. Он – это бесконечная свобода, и в этом тоже он уподобил меня себе. Как же бог мог сделать меня рабом, если он, создавая меня, уподоблял меня себе? Рабами люди друг друга делают сами, забывая о любви и милосердии, или становятся добровольно – преклоняясь перед сильными, наглыми и хитрыми...

Паства раскрыла рты. Священник нахмурился.

– Разрешите, однако, с вами попрощаться, – сказал странник, – не будем терять время. Ведь вам надо идти в свой храм, а мне – в свой, вам – молиться, мне – продолжать путь.

В чём подлинное богатство?

Как-то на приёме у правителя, славившегося мудростью и поощрявшего философские беседы, заспорили вельможи о том, что есть настоящее богатство.

– Что ни говори, а истинная ценность – это золото, серебро, бриллианты, – сказал первый вельможа. – Только сундуки с драгоценностями дают чувство, что ты по-настоящему богатый человек.

- Нет, истинное богатство – большой хороший дом, роскошный сад, породистые лошади, мягкие ковры, изящные наряды, надежное оружие и другие полезные и красивые вещи. А золото, серебро – это только деньги, на которые можно приобрести все эти блага.

- Нет, – сказал третий. – Подлинное богатство – большая семья, любящие дети, добрая ласковая, красивая жена, а дом, мебель, ковры, лошади – это только желательное приложение к истинному богатству – хорошей семье.

- А я считаю, что подлинное богатство – это здоровье и молодость, – сказал четвертый, старейший из вельмож. – Что будут для вас значить все ваши вещи, все члены вашей семьи, если вы будете больным, немощным, старым? Я бы отдал всё, что имею, за эликсир вечной молодости и панацею.

- Давайте спросим у мудрейшего, у нашего правителя, – сказал пятый, самый молодой, – он нас рассудит.

Они приблизились к правителю и задали свой вопрос. И на него мудрейший ответил так:

- Из того, что вы перечислили, ценнее всего здоровье и молодость. На втором месте – хорошая семья. На третьем – дом, сад, лошади, полезные вещи. Само по себе золото и бриллианты я бы поставил на последнее место. Но вместе с тем, всё, что вы перечислили: и золото, и роскошь, и дом, и семья, и озабоченность вечной молодостью – есть суета сует и томление духа. Всё это только порождение забот, беспокойства и затаенный источник страданий души. Всё это тлен презренный и мелочь бытия. Истинное же богатство – это полное небрежение каким бы то ни было богатством, полная отрешенность и абсолютная невозмутимость духа, отсутствие какого бы то ни было беспокойства по поводу чего бы то ни было на этом бренном свете, в этом вещном мире. Единственная ценность для нас, здесь пребывающих, жизнь которых мимолётна, – это путь по дороге обретения мудрости к возвышению души. Вот мое мнение, милейшие мои подданные...

- А теперь, – немного помолчав, заключил правитель, – сложите-ка в ларец монеты, которые вы, надеюсь, не забыли принести мне в подношение и на сегодня можете быть свободны.

– О, великий повелитель и мудрейший из мудрейших! – воскликнул старший из вельмож. – Как вы можете в ряду своих мудрейших изречений тут же толковать о монетах, о деньгах! Не вы ли сейчас сказали, что золото – на последнем месте из ценностей, что оно суета сует, тлен и мелочь по сравнению с возвышением души! Как вы можете после таких слов тут же заботиться о его накоплении, о том, чтобы быть богатым!

– Беседы наши, это очень хорошо, – ответил мудрейший, – но о земных делах тоже нельзя забывать. Важно не наличие или отсутствие того или иного богатства, важно какое место это занимает в вашей голове, насколько вы на этом сосредоточены, чем ради чего вы жертвуете. Вы назвали меня великим. А истинно великий человек велик во всём, даже в мелочах, не так ли? Богатство, золото – всё это тлен, конечно, мелочь, спору нет. Но поскольку я превосхожу иных в большем – в мудрости, то уж в мелочах превосходить для меня совершенно естественно. Так что, доставайте ваши кошельки.

Червяк и бабочка

Сын одного богатого человека не хотел учиться, читал только бульварную прессу и беллетристику, посещал лишь увеселительные и развлекательные заведения. Как ни старался отец его вразумить, каких бы педагогов ни приглашал, юноша никого не хотел слушать. Никакие убеждения на него не действовали. Однажды в город приехал человек, известный своей житейской мудростью, и отец попросил его поговорить с сыном, наставить его на путь истинный. Человек этот согласился. Но не успел он открыть рта, как юноша замахал на него руками:

– Знаю, знаю – вас подослал отец. Но не надо меня учить жить, у меня своя голова есть! Я сам знаю, что мне надо делать!

– Вовсе нет, возразил учитель. Отец твой нанял меня, чтобы я тебя развлёк, рассказал тебе пару интересных историй, анекдотов. Будешь слушать?

– Да? Ну, анекдоты я послушаю, давайте.

Учитель расположился поудобнее, отхлебнул воды и начал рассказывать.

«Родился в земле червяк и, увидев, чем занимаются другие червяки, принялся пропускать через себя землю, получая от этого удовольствие. Так длилось довольно долго, но однажды он вылез на поверхность земли, увидел дерево и попробовал его кору. Она оказалась гораздо вкуснее земли. «Какой я дурак, – сказал червяк, – я ел землю, а надо было вот что есть!» И он стал интенсивно есть кору, от чего начал гораздо быстрее расти и ползти вверх. Полз, полз он вверх, ел, ел кору, и так длилось довольно долго. Но вот он увидел зеленый лист и решил попробовать его. Лист оказался гораздо вкуснее, сочнее коры. «Вот что надо было делать, что поглощать: листья! – воскликнул червяк. – Гораздо больше пользы и удовольствия!» И он начал усердно есть листья. Он долго их ел и был очень доволен, но вдруг он увидел яркий, ароматный плод и попробовал его. Плод оказался ещё более питательным, несравненно вкуснее листьев, и червяк с жадностью принялся есть его. Когда он его съел, он обратил внимание на косточку, которая была внутри плода, и решил погрызть и её. Она ему не понравилась, и червяк долго сидел на ней и думал, что же ему теперь делать. Наконец, его осенило: он всё время двигался, находя что-то новое; так и дальше надо действовать, – не погрызть ли косточку и не двинуться ли вглубь неё? Так он и сделал. Он прогрыз жесткую оболочку и под ней нашёл орех – чрезвычайно питательный и вкусный. Червяк съел его и вдруг почувствовал, что набрался необычайной энергии и начал... перерождаться!

Сначала он превратился в куколку, через некоторое время – в бабочку. Он почувствовал и увидел, что он уже не червяк, что у него есть крылья, и он рождён для полёта, для созерцания мира с высоты, для перелета с цветка на цветок, для того чтобы пить нектар разнообразных прекрасных, благоухающих цветов! Он попытался взлететь и... не смог! За всё то время, пока он ел сначала землю, потом кору, потом листья, потом мякоть плода, пока раздумывал, сидя на косточке, прошло лето, и наступила холодная осень, его тельце застыло, и не имело гибкости, да и никаких цветов уже не осталось... И

червяк, то есть уже бабочка упала на землю. Умирая от холода, она увидела себя в отражении лужи, и увидев образ, вспомнила, что когда-то, давным-давно, ещё будучи червяком и пропуская через себя землю, увидела, как рядом опустилась точно такая же бабочка, и что это бабочка что-то пыталась ему, червяку, объяснить, убеждала, что надо делать, куда ползти... Но червяк так был занят поеданием земли и получения от этого удовольствия, что не обратил на её слова никакого внимания: ведь что может полезного сказать ему, червяку, прекрасно знающему, что надо делать, какое-то совсем непохожее, на него, совершенно иное и странное существо. Что умного может это смешное, разукрашенное существо сказать ему, червяку, у которого есть такое конкретное и понятное дело: есть землю! Это странное создание лишь сбивает его с толку и мешает. И червяк тогда бросил в бабочку большой ком земли...»

Учитель замолчал и замер.

– Что же вы замолчали, почему не продолжаете? – спросил юноша.

– Опасаюсь, как бы ты не бросил в меня чем-нибудь... – Отозвался учитель, поднимаясь со своего стула и протягивая руку для прощального рукопожатия.

Кто ничтожнее?

Прослышали как-то вельможи одной страны, что грядут времена, когда «первые станут последними, а последние – первыми», и что истинное величие человека – в предельной скромности, а мудрость – в понимании своей малости в пределах бесконечного космоса, ничтожности перед неизмеримой мудростью бога и безграничной сложностью мироздания.

И однажды во время прогулки на природе завели вельможи такой разговор.

– Я мельчайшая пылинка в космической бездне, – сказал один из них, – и я знаю только одно: я ничего не знаю.

– А я вообще один единственный атом, перед которым пылинка – вселенная, знаний же у меня вообще никаких нет, –

заявил второй. – Ты хоть знаешь, что ничего не знаешь, а я не знаю и этого!

– Ну, друзья, по сравнению со мной вы оба просто огромны – заключил третий. – Вы полагаете, что материальны. А в материальном мире всё относительно: любой объект – глыба для объекта, который меньше его. Вот я – не пылинка, не атом, и даже не сотая доля атома. Я – пустота. Вы хоть знаете или же не знаете, что ничего не знаете, а я, вообще, не представляю, что значит «знать» и не могу, вообще, судить: знаю ли я о том, что что-то знаю или не знаю этого, как вы.

– Ты пустота, – вступил в спор четвертый вельможа. – Но это всё же нечто. А вот я вообще ничто, даже не пустота, я – отсутствие пустоты и, следовательно, у меня нет даже основы для вообще каких бы то ни было знаний. Я более вас осознаю свою ничтожность!

– Нет, ты не столь ничтожен, – сказал пятый, – Ты говоришь о себе «я», а это уже что-то. А вот у твоего собеседника, – говорящий ткнул себе в грудь пальцем, – нет и этого, он исчез совсем, он не существует, он абсолютный нуль...

В это время, поодаль неспешно шёл своей дорогой крайне бедно одетый, слывший, однако, мудрецом, отшельник. Вельможи заметили его и решили поинтересоваться, что он думает об их споре, Всё ему рассказав, они с жаром поинтересовались, кто же из них лучше осознает свою ничтожность и кто, стало быть, умнее, скромнее и тем самым лучше, величественней.

– Чего тут думать, – выслушав вельмож, отозвался отшельник. – Сам спор о том, кто скромнее... как бы это сказать... в общем, говорит об очень большой скромности всех спорящих. И вы все, действительно, абсолютные нули, как выразился один из вас, а потому совершенно равны, ибо один нуль не может быть ни больше, ни меньше другого нуля.

Наступила тишина. Видно было, что вельможи, мягко говоря, разочарованы таким ответом.

– Ну, а ты-то кто такой, – заговорил наконец один из вельмож, самый спесивый. – Кем ты сам себя полагаешь? Может, думаешь, что равен нам, или, может быть, считаешь, что обладаешь большей мудростью и величием чем мы?

– Что вы, – поспешил успокоить вельмож отшельник. –

Куда мне до вас! Какое там величие! Посмотрите на меня, – нищий указал рукой на свою покрытую лохмотьями фигуру. – По сравнению с вами, достопочтенные господа, я полное ничтожество, многократно ничтожнее вас!

Снова наступила тишина. Вельможи нахмурились и переглянулись. Затем один из вельмож заметил:

– Ты, конечно, слывёшь мудрецом, любезный, но, похоже, вздумал с нами хитрить. Если предельные ничтожности, как ты только что сказал – абсолютные нули, а нули равны, то как же тогда ты, э... еще ничтожнее? Объясни нам.

– А разве я сказал, что я тоже абсолютный нуль, – прищурился отшельник. – Я на это не претендую. Я, можно сказать, вообще неопределенная величина с отрицательным значением, стремящаяся к минус бесконечности... Впрочем, меня это нисколько не расстраивает, – добавил он, поправляя на себе лохмотья. – Ведь строение мироздания симметрично, и в отличие от стабильного нуля нечто бесконечно исчезающее в одном измерении, является бесконечно возрастающим в противоположном.

Проговорив это, нищий вежливо поклонился и отправился своей дорогой.

О богатстве и мудрости

Пришел как-то раз юноша к мудрецу и говорит ему:

– Можешь ли ты ответить мне на такой вопрос. Я сейчас беден и необразован, но я очень хочу быть и мудрым, и богатым. Какой жизненный путь мне выбрать, чтобы, пройдя его, добиться желаемого?

– Я могу ответить на твой вопрос, – отозвался мудрец. – К сожалению, пути, о котором ты спрашиваешь, не существует, ибо дорога к золоту и дорога к духовному богатству – это две совершенно разные дороги, и пролегают они в разных направлениях.

Ничего не сказав в ответ, юноша ушел в глубокой задумчивости. Однако через некоторое время он вернулся.

- Я твердо решил не отступаться от своей цели, - заявил он, - и я намерен пройти обе эти дороги - и к богатству, и к мудрости - поочередно! Ответь мне еще на один вопрос, если знаешь ответ на него - скажи, с которой дороги мне лучше начать?

- Я знаю ответ и на этот вопрос, - отозвался мудрец, но ты зря радуешься, - добавил он, увидев оживление на лице юноши. - С какого бы пути ты ни начал, и как бы ни усердствовал, оба пути преодолеть невозможно.

- Но почему это? - с недоверием возразил юный честолюбец.

- Всё очень просто: если пойдешь сперва дорогой обогащения, то к концу этого трудного и жестокого пути душа твоя уже будет неспособна к возвышенному, и по-настоящему разбогатев, ты искренне и безвозвратно уверуешь, что и так чрезвычайно мудр. Если же пойдешь по дороге возвышения духа, на каком-то этапе поймешь, что этот путь и есть истинное богатство, по сравнению с которым все остальное - только мишура и суета сует.

ЕСТЬ ТАКАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Виктор Склифасовский

г. Москва

Немецкий и советский блицкриги

Перед нападением на СССР 1941 года германскому генералитету во главе с «ефрейтором» Адольфом Гитлером казалось, что блицкриг был наиболее надёжным способом, с помощью которого вермахт сможет молниеносно сокрушить «колосса на глиняных ногах». Каким на самом деле оказался «колосс», разъяснилось в мае 45-го. В конце своего блицкрига в 41-ом году вермахту удалось-таки постоять у ворот Кремля. В конце Великой Отечественной в 45-ом советские солдаты, чтобы сокрушить немецко-фашистскую «гадину в её логове», дошли до Берлина и взяли рейхстаг. Наверное, период, наступивший после осени 1944 года, когда война переместилась на территории стран сателлитов гитлеровской Германии, вполне можно назвать тоже блицкригом — советским блицкригом.

Сравнение двух блицкригов в начале и в конце Великой Отечественной войны показывает, что советский блицкриг был много действеннее немецкого. За период с декабря 44-го по май 45-го Красная Армия в открытом бою берёт штурмом столицы: Варшаву, Будапешт, Вену, Кёнигсберг, Берлин. Приблизительно за равный промежуток времени с конца июня до конца ноября 41-го из всех столиц советских республик, которые оказались на пути немецких войск, была взята только одна единственная столица — тогда сравнительно небольшой белорусский город Минск (239 тыс. жителей). Города-столицы: Вильнюс, Рига, Кишинёв под внезапным напором веро-

ломного врага нашими войсками были оставлены почти без боя, но в Таллинн и Киев немцы смогли войти только после того, когда гарнизоны этих городов сами сочли нужным их покинуть.

Не лучше обстояло дело и у союзников Германии. Румыны вошли в оставленный Кишинёв, Одессу решились занять спустя сутки после ухода отсюда наших войск. О Севастополе, куда эвакуировались защитники Одессы, говорит сама за себя его 250-дневная оборона.

С финнами, случилось так, что после ожесточённых боёв на улицах Петрозаводска – столицы Карело-Финской ССР «русские» вместе с оставленным, а самое главное, пустым городом, отобрали у финнов ощущение победы.

Внимательное рассмотрение немецкого блицкрига лета – осени сорок первого позволяет усмотреть весьма серьёзное упущение в строительстве хваленной германской военной машины. Оказывается, что при отладке военной машины, начатой чуть ли не с образованием Веймарской республики, немецкие «военспецы» за два десятилетия между мировыми войнами, так и не приспособили её ко взятию крупных городов. Поэтому вызывает недоумение оголтелая самонадеянность фашисткой верхушки Германии, как раз и стремившейся завершить свой поход в большевистской России именно взятием крупных и политически значимых её городов – Ленинграда и Москвы. Ещё не взяв ни одного в известной мере крупного города, фюрер Третьего рейха намеревался в обеих русских столицах устроить парады «победителей», а затем один из них разрушить, а другой затопить. Приказ-пожелание, даже с наступлением в России зимних холодов, не претерпел никаких изменений. Из этого «приказа» было не ясно, каким же способом одетые в летнюю форму сотни тысяч солдат фюрера должны будут укрываться от зимней стужи в руинах ими же разрушенных тёплых уютных городов.

При взятии Минска немцы попробовали поступить своим излюбленным приёмом – атакой тремя танковыми дивизи-

ями 3-й танковой группы Гота (~700 танков) сходу прорвать оборону, организованную на подступах к городу четырьмя дивизиями 44-го и 2-го стрелковых корпусов. Прорвать оборону получилось на стыке двух стрелковых дивизий, но только после четырёх дней боёв. Немецкая 20-я танковая дивизия ворвалась в Минск около 17 часов. Всему тому способствовало отсутствие у защитников противотанковых боеприпасов и угроза их полного окружения после подошедших к городу с юга ещё двух танковых дивизий из 2-й танковой группы Гудериана. С городом, не готовым к обороне в уличных боях, было покончено в день прорыва — 28-го июня. Излишне, наверное, будет подчёркивать, насколько тяжело действовало известие о взятии Минска, отстоящего от границы за три сотни километров, на весь советский народ.

Не тоже самое произошло с главным городом южного соседа Западного Особого Военного Округа. После приобретённого боевого опыта при взятии Варшавы в 39-ом немцы нечто похожее попробовали устроить с Киевом в 41-ом. Этому способствовала значимость городов, как столиц, схожесть количества проживающего в них населения (1,3 млн. чел. : 0,93 млн. чел.) и представившиеся возможность попытаться захватить город танковой атакой сходу. Части танковой группы фон Клейста уже к 11 июля по Житомирскому шоссе докатились до Киевского укрепленного района (КиУР) на реке Ирпень. Взять Киев сходу или хотя бы прорваться в его окрестности, как было в Варшаве, фон Клейсту не удаётся. Не удаётся немцам прорваться в Киев и 30 июля, потеснив сильным ударом дивизии 26-й армии. С особым упорством захватчики начинают штурм КиУРа в ночь на 7 августа и вновь неудачно. Через 10 дней «русские» восстанавливают положение — больше попыток взять — нет, не город, — а хотя бы КиУР, немецкое командование не возобновляет. Зато 20-го сентября, в день ночного ухода наших войск из Киева, за своё запоздалое обнаружение этого ухода лишь только в 11 часов утра, немцы в отместку подвергают юго-западные окраины города зверскому обстре-

лу. На 91-й день войны будущая «сталинградская» — 6-я армия вермахта наконец-то входит в Киев.

Всерьёз о штурме городов немцы начинают задумываться только лишь на 125-й день войны — в битве за Харьков. Командование 6-й армии к штурму попыталось подготовиться основательно: в каждом батальоне трёх атакующих пехотных дивизий были созданы штурмовые группы, усиленные сапёрами, лёгкими орудиями, мотоциклистами и бронетехникой. Однако гарнизон города Харькова, состоящий из одной стрелковой дивизии, одной стрелковой бригады и батальонов народного ополчения, смог выполнить указание Генштаба — продержаться 3 дня, после чего только оставил город.

Пренебрежение 1-й танковой группой брать города умением закончилось для немцев 2-го декабря 1941 (164-й день войны) их выдворением из Ростова-на-Дону. Город вернули и надолго.

По-настоящему в драку за город немецко-фашистские орды ввязались только в Сталинграде. Однако было уже поздно — в этом городе 6-й армии уже под началом Паулюса пришлось найти себе могилу.

Недоработка военной машины дорого обошлась фашистской Германии — план «Барбаросса» на советской земле стал на глазах превращаться в дешёвую авантюру, по которой парад немцев-победителей в Москве должен был состояться на 40-й день войны. Начало со взятым врасплох Минском было вроде бы впечатляющим. Тыловой город берётся на седьмой день, но уже соседский Киев занимается немцами только на девяносто первый. В Киеве они надеялись провести парад 8 августа; пленные офицеры вермахта накануне особенно нахально кичились тем, что фюрер поставил перед ними такую задачу, и они, во что бы то ни стало, выполняют её. По Ленинграду Гитлер на семьдесят седьмой день войны (6 сентября) своей директивой приостановил дату проведения парада на неопределённый срок, пере нацелив задачи войск фашистской Германии на взятие Москвы. В дальнейшем относительно сро-

ков взятия Ленинграда даже и после применения гитлеровцами «оружия массового поражения» — блокады, германское командование больше не бралось давать никаких прогнозов.

Кое-кому из группы армий «Центр» 1 декабря 1941 года на 163-й день войны почти удалось постоять у ворот Москвы: занятая 2-й танковой дивизией 4-й танковой армии Красная Поляна (близ г. Лобня) находилась в 17 километрах от границы Москвы и в 27 километрах от Кремля. Не позднее, чем через 3 дня (с 5-го декабря), Западный фронт, оперативно-стратегическое объединение, подобное немецким группам армий, но менее многочисленное, погнало немецко-фашистских захватчиков обратно на запад.

Осенью 1944 года отступление гитлеровцев в Восточную Европу привело к смещению фашистских правительств Болгарии и Румынии и, как следствие, к самоосвобождению населения Бухареста и Софии. Совместное освобождение с партизанскими соединениями Белграда и освобождение вместе с восставшими в День Победы Праги обошлись советским войскам без значительных боевых потерь.

После выхода Болгарии и Румынии из войны, можно сказать, что на венгерской земле вновь продолжился поединок Красной Армии с вермахтом. Будапештская операция длилась 108 дней. Будапешт — первая столица, за которую начинаются особенно упорные бои. Венгерскую столицу немецкие солдаты называли вторым Сталинградом. Штурм самого города длился с 27 декабря 1944 по 13 февраля 1945 года (50 дней). В городе под командованием обергруппенфюрера СС Карла Пфедфер-Вильденбруха сосредоточилось 13 танковых, 2 моторизованные дивизии и мотобригада (188 тыс. человек). Им противостояла Будапештская группа войск из 3-х стрелковых корпусов и 9 артиллерийских бригад 2-го Украинского фронта. Командование вермахта приказывало защищать город до «последнего вздоха», и действительно бои иногда велись буквально до последнего патрона.

Пока советские войска штурмовали Будапешт, 17 января 45-го в рамках четырёхдневной «Варшавско-Познанской» операции силами 1-й армии Войска Польского и двух армий 1-го Белорусского фронта была освобождена многострадальная Варшава.

Апрель 45-го оказался особенно «урожайным» по освобождению городов-столиц от немецкого фашизма, пали: Кёнигсберг, Вена, ну и Берлин...

Столицу Восточной Пруссии город-крепость Кёнигсберг войска 3-го Белорусского штурмовали в течение 4 дней (6-9 апреля). За капитуляцию неприступной цитадели комендант города и крепости генерал пехоты Отто Ляш и его семья были заочно приговорены Гитлером к смертной казни. В Венской наступательной операции с обеих сторон было задействовано свыше миллиона солдат и офицеров при почти двукратном перевесе сил атакующих. В самой столице Австрии Вене против 3-го Украинского фронта оборонялись остатки восьми танковых и одной пехотной дивизии 6-й танковой армии СС, 15 отдельных батальонов и 4 полка венской полиции для участия в уличных боях. Штурм города начался 6 апреля – после окружения города советские войска принялись очищать от засевших в опорных пунктах нацистов квартал за кварталом. 13 апреля (через 8 дней) гарнизон Вены прекратил сопротивление.

15 апреля Гитлер направил в войска приказ: «Солдаты Восточного фронта! Последний раз со смертельной ненавистью большевизм начал наступление. Он пыгается разрушить Германию и наш народ истребить... Большевизм на сей раз встретит старая судьба, они будут обескровлены. Кто в этот момент не выполнит своего долга, будет предателем своего народа... Берлин был немецким и будет немецким, а Европа не станет никогда русской...»

К 25 апреля 1945-го года подошла очередь штурма трёхмиллионного Берлина, его гарнизон оборонялся на площади около 327 кв. км, протяжённость фронта составляла около 100

км. 1-й Белорусский и 1-й Украинский выделили для штурма 9 армий общей численностью превосходивших берлинский гарнизон в ~ 4,6 раза. В столице нацистов из регулярных войск находились: 56-й танковый корпус, сильно поредевший после Зееловских высот (13000-15000 солдат), охранный полк «Гросс Дейчланд» и бригада СС, охранявшая имперскую канцелярию, фольксштурм, полиция, пожарная охрана, различные тыловые подразделения и служебные инстанции общей численностью в 100000 «защитников». Немцы шутили, что в Фольксштурм забирали тех, кто уже может ходить и тех, кто ещё может ходить. Правда, указанные обстоятельства никак не помешали 1-му Белорусскому потерять в уличных боях около 1000 единиц бронетехники. 2 мая Берлин пал. На улицах Берлина осталось лежать 23000 погибших советских солдат и не менее 19000 немецких. Военачальники 1-го Белорусского и 1-го Украинского выполнили поставленную перед ними задачу – Берлин был взят.

А можно ли было выполнить поставленную задачу с меньшими потерями? Конечно можно, если попробовать выполнить штурм ещё раз. Тем не менее, спустя неделю все поставленные задачи были выполнены, вообще все. Война для нашей Родины закончилась. Всё вдруг наполнилось Победой!!!

февраль 2017 года.

Содержание

Сергей Галиченко. Совершеннолетие..... 3

ПОЭТИЧЕСКИЙ МАРАФОН

Александр Пушкин. Деревня 8

Иван Аксаков.

Смотри! Толпа людей, нахмурившись, стоит..... 10

Константин Бальмонт. Родная картина 11

Наталья Стрельникова. Запах яблок и петунии 12

Всё тот же дом стоит, как прежде.....13

Легкою сеточкой птичьих следов 13

Вера Котенёва. Не бойся, мы с тобой на «вы»..... 14

Ольга Шушкова. Проснусь одна на рассвете 15

Анатолий Овсянников. Дикие розы 16

Горное озеро 17

С мечтою 17

Марина Голосова. Снег упрямо летел и опутывал ступни .. 18

Я привыкла легко расставаться с людьми 18

Валентина Казанова. Я птицей вернусь к тебе во сне 19

Михаил Анисимов. В Гремячем лесу тишина 20

Виталий Валитар. Щит 21

Высокая звезда 22

Он завещал любить Святую Русь 22

Освещение креста 23

Виталий Воронуха. Ветераны	24
Исповедь охотчанам	25
Охотские чайки	26
Ангел мой	27
Ирина Маркова. Ньютоны и пни	29
Перепонки	30
Козлы и козлята	31
Сергей Леонтьев. Погост	32
Стихотворение, написанное маятником часов.....	33
Кухня.....	34
Наталья Дарованная.	
Если ты вдруг однажды уйдешь, то не смей возвращаться...35	35
Сергей Овчинников. Опера	36
Родина	37
Маме	37
Незнакомке	38
Очки	38
Ирина Брюквина. Исчезнуть, испариться	39
Ностальгия	39
Людмила Дринова-Воронина. Уход зимы	40
Нелли Амунова. Пробираясь сквозь серые мысли	41

СТИХИ - ДЕТЯМ

Тамара Дронова. Лето	42
Утро в лесу	42
Компьютерные дети	43
В гостях у ёлочки	43
Цветы для мамы	44
Спор	44

КЛУБ «ТАТЬЯНИН ДЕНЬ»

Татьяна Аксенова. Ради любви	45
Кричала птица	46
Георгий Бойко. Пишется пьеса	47
Посвящается автору «Песни о встречном»	48

КЛУБ «ПТИЦА-ТРОЙКА»

Сергей Маслов. Добровольцы 41-го	49
То была Великая война	50
Ирина Новосельская. Московский Кремль.....	51
Люблю галдёж Кузнецкого моста.....	52
Мне надо написать про мокрую сирень.....	52
Владимир Селицкий. Мангазея	53
Ольга Флярковская. Смородинка	55
Журавлиная Родина	56
Александр Чжоу. СторОжа	57
Сталинград	58

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТУДИЯ «ТВОРЧЕСКИЙ ФОНАРЬ»

Ольга Филиппова. Декабристка	59
Дмитрий Зыбцев. Истерзанный, измученный молвою.....	60
Михаил Курянский. Монахиня и чёрт.....	61
Иван Попов. Тот, в ком есть любовь.....	62
Вероника Еськова. Маленькие люди	64
Вадим Стригуновский. Заклученные во временную петлю наших песен	66

Екатерина Ермолова. Город сковали морозы лихие.....	67
Николай Добов. Антон Мечников	68
Софья Якименко. Мы вечно толкуем о жизни.....	70
Нас ошибки не учат вовсе.....	70
Вадим Козлов. Сквозь окна и тюли – неоновый свет.....	71
Илья Колодыко. В детском саду: знакомство с книгой.....	72

ПРОЗА

Сергей Шаргунов. Свой	76
Попов Иван. Турист	90
Евгений Белозеров. В театре.	97
Санька	99
Владимир Калуцкий. Светлый дым.....	102
Надежда Лан. Легенда об одиноком дереве.	105
Виктор Рымарь. Что есть жизнь?.....	111
Путь и религия.....	112
В чём подлинное богатство?.....	113
Червяк и бабочка	115
Кто ничтожнее?	117
О богатстве и мудрости	119

ПУБЛИЦИСТИКА

Виктор Склифасовский. Немецкий и советский блицкриги	121
--	-----

Литературно-художественный альманах

КЛАД

Выпуск 18

Главный редактор Сергей Галиченко

Выпускающие редакторы

Евгений Белозеров, Ольга Филиппова

Корректор Ольга Стригуновская

Дизайн, компьютерная вёрстка – Пётр Гасев

Фото на обложке – Ната Одесситка,
победитель фотоконкурса “Муза для “Клада”

Издательство РОСА

Российское общество современных авторов

e-mail: 885533@mail.ru

<http://art-rosa.ru>

Электронная версия издания